

РОССИЯ – ДЕРЖАВА НА ТРЕХ КОНТИНЕНТАХ

Сергей Кремлёв

РУССКАЯ АМЕРИКА

СЛАВА И БОЛЬ

РУССКОЙ

ИСТОРИИ

ALASKA.

SCALE OF MILES.

50 100 200

1890

Сергей Кремлев

**Русская Америка. Слава
и боль русской истории**

«Яуза»

2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5

Кремлев С.

Русская Америка. Слава и боль русской истории / С. Кремлев — «Яуза», 2017

ISBN 978-5-04-089358-4

Сама история создала сюжет этой книги: эту историю двигали планы основателей Русской Америки по приведению индейцев и алеутов под руку русского монарха, тайны лондонского и петербургского дворов, связанные не столько с Америкой, сколько со Средней Азией, «русские» займы европейских банкиров, «японские» приключения адмирала Головнина и драма императора Александра I. Русские передовщики и кормщики, уходившие на Алеуты, капитан Сарычев и капитан Гагемейстер, Екатерина Великая и ее сын Павел I, купцы Шелихов, Кусков и революционер Франсиско де Миранда, камергер Резанов и легенда Русской Америки, правитель Баранов, – это лишь часть тех фигур и судеб, о которых сказано в книге. Но эта книга не только о людях. Она о великом движении русских к Тихому океану и его логичному результату – Русская Америка была предана высшей знатью Российской империи. Вместо «внутреннего» Берингова пролива и моря с обоими русскими берегами, вместо русской Калифорнии и вполне возможных русских Гавайских островов Россия лишь потеряла свои восточные перспективы...

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-04-089358-4

© Кремлев С., 2017

© Яуза, 2017

Содержание

От автора	7
Предисловие-эпиграмма	11
Глава 1	13
Глава 2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Кремлёв Русская Америка. Слава и боль русской истории

© Кремлёв С., 2017

© ООО «Издательство Яуза», 2017

© ООО «Издательство Эксмо», 2017

* * *

Русским «передовикам»-землепроходцам, шедшим к Тихому океану и к Русской Америке, подвижникам русского дела в дальних, но «нашенских» концах Родины, русским морякам и патриотам посвящает автор эту книгу с восхищением их жизнью, их делами и славой и с презрением к тем, кто обесценивал и обесценивает завоевания русского духа, предавая славу, мощь и будущее Державы

От автора

Уважаемый читатель!

В марте 2017 года исполнилось 150 лет со дня продажи администрацией императора Александра II российских владений в Америке, то есть того, что кратко и ёмко называли **Русской Америкой**.

Причём 30 марта 1867 года была продана, вопреки устоявшемуся штампу, не «Аляска», а именно Русская Америка. В географическом отношении Аляской называют залив Тихого океана между полуостровом Аляска и материком Северная Америка, а также – сам узкий полуостров, расположенный между Бристольским заливом Берингова моря и Тихим океаном. Император же Александр II и его брат великий князь Константин продали земли, ныне составляющие 49-й штат США Аляска, а это – неизмеримо больше, чем полуостров Аляска в чистом виде.

Для того, чтобы убедиться в сказанном, достаточно взглянуть на карту, и мы увидим, что штат Аляска – это, кроме полуострова Аляска и его «соседа» Кенайского полуострова, ещё и огромная «матёрая» территория на северо-западе американского материка, плюс – Алеутские острова, острова Прибылова, остров Св. Матвея, остров Св. Лаврентия и более южный архипелаг Александра, названный в честь Александра I, с береговой полосой, вытянутой вдоль него.

В целом территория Русской Америки составляла больше одной десятой части территории Российской империи, и всё было продано за бесценок 150 лет назад. Однако эта книга не приурочена к грустно-«юбилейной» дате – первое её издание под названием «Русская Америка: открыть и продать!» увидело свет ещё в 2005 году.

С течением времени возникло вполне естественное желание подготовить новое – расширенное издание книги, а приближение даты, роковой для тихоокеанских, да и для вообще глобальных геополитических перспектив России, стало дополнительным стимулом для новой немалой работы. Немалой потому, что при переиздании книга нуждалась в переработке в любом отношении, начиная с правки стиля... Но и по сути моё понимание проблемы, конечно же, углубилось, что следовало отразить в новом, существенно дополненном, тексте.

Тема Русской Америки, увлёкши меня ещё в прошлом веке, по-прежнему увлекает и волнует, да и актуальность её объективно лишь возрастает. И вот, в преддверии 150-летнего – увыв, позорного, юбилея продажи Русской Америки царизмом, я, наконец, реализовал давнее намерение переработать свой труд «Русская Америка: открыть и продать!» для переиздания уже под названием: «Русская Америка: слава и боль русской истории».

Вскоре после выхода в свет первого издания – издательский дом «Нева» в 2006 г. издал книгу Александра Бушкова «Русская Америка. Позор и слава», и хотя её автор во многом следовал канве моей «Русской Америки», я прочёл книгу Бушкова с интересом и пользой для себя. Особенно, на мой взгляд, ценной оказалась дальнейшая разработка Александром Бушковым темы движения декабристов не как дворянского движения, которым оно по составу формально являлось, а как первого проявления активности в александровской России национальных буржуазных кругов, в том числе – связанных с Российско-американской компанией (РАК).

В 2007 году появилась интересная книга Ивана Борисовича Миронова «Роковая сделка: как продавали Аляску», третье, дополненное и переработанное издание которой «Аляска преданная и проданная» вышло в свет в 2014 году. Труд Миронова более локален по охвату хронологии и тематике и имеет не очень точное название – ибо, как уже сказано, продана была не только Аляска, а все русские американские владения, включая архипелаг Александра. Тем не менее основные тезисы Ивана Миронова корректны, а сама книга информативна и тоже

полезна для понимания того, насколько преступным и катастрофичным для геополитических перспектив России был акт продажи Русской Америки в 1867 году.

Что же касается чисто научной библиографии по теме, то она (библиография) весьма обширна, но неоднозначна как по качеству, так и по заявленным в различных трудах подходам. Наиболее обстоятельное документальное освещение истории Русской Америки было предпринято в сталинскую эпоху. Например, материалы экспедиций Беринга были изданы в 1941 году – буквально накануне Великой Отечественной войны. Издавались сборники документов по теме и в 1940–1950-е годы, и тогда же был переиздан ряд нормативных источников, например записки Гавриила Сарычева, Лаврентия Загоскина и т. д.

Современную научную литературу чаще всего нельзя назвать исторически адекватной проблеме, ибо профессиональные историки, как правило, не подчёркивают основное – то, что **продажа Русской Америки явилась величайшим и беспрецедентным в истории России – во всяком случае, до 1991 года – государственным и цивилизационным преступлением**. Показательна в этом отношении изданная в 1999 году трёхтомная «История Русской Америки. 1732–1867» под редакцией академика РАН Н.Н. Болховитинова. Во-многом нормативная по части публикуемых документов, в части *позиции* публикаторов этих документов она проникнута духом идейного компрадорства, о чём ещё будет сказано в своём месте.

Имеется и немалая англосаксонская литература по русской «тихоокеанской» теме и теме Русской Америки. Особенно в США интерес к этим темам не исчезает по сей день, что само по себе показательно. Похоже, кое-кто в Америке опасается, что «Аляска» – так или иначе – может вновь стать русской. Недаром американский консерватор Патрик Бьюкенен, считающийся, правда, в США полумаргиналом, но имеющий на ситуацию достаточно трезвый взгляд, недавно издал труд с «говорящим» названием «Распад сверхдержавы», имея в виду не прошлое Советского Союза, а будущее Соединённых Штатов Америки.

Полная, всеобъемлющая история противостояния Америки России (именно Америки России, а не Америки и России) пока не написана, ибо начало этого противостояния обычно относят ко времени иностранной интервенции в ходе Гражданской войны 1918–1921 годов, в которой приняли участие на стороне «белых» и Соединённые Штаты. Однако Америка противостояла России и была враждебна России ещё при самом своём рождении. Цивилизационные принципы англосаксонских «отцов-основателей» США и их политическая практика были антагонистичны русскому цивилизационному началу и основным принципам внешней политики даже царской России.

Россия, при всех изломах её истории и противоречиях русского национального характера, – это извечная носительница идеи Мирового Добра, это – Держава Добра. И даже до ленинской Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года Россия самым фактом своего существования мешала реализации планов по установлению мировой гегемонии Империи Зла – США. Поэтому скрытые и открытые провокации и диверсии против России – там, где это только возможно, издавна были характерны как для политики Великобритании, так и для более позднего англосаксонского порождения – Соединённых Штатов Америки.

Одной из таких давних диверсий и стала история с постепенным системным отторжением от России её важнейшего территориального и геополитического приобретения конца XVIII – начала XIX века – обширнейших и богатейших земель по ту, «американскую», сторону Берингова пролива и Берингова моря. Причём русское освоение этих земель не сопровождалось тем **намеренным** хладнокровным геноцидом, который был характерен для освоения англосаксами атлантического побережья американского континента.

Появление русских на Алеутах, Кадьяке, Аляске, Кенае было естественным шагом в великом русском движении на Восток, к Солнцу. И это движение началось намного раньше, чем рыльский купец Григорий Шелихов в 1784 году основал первое постоянное поселение на аляскинском острове Кадьяк. В 1937 году изыскательская партия Главной службы земле-

устройства департамента внутренних дел США во время работ на Кенайском полуострове открыла остатки древнего поселения примерно трёхсотлетней давности. Точная принадлежность этого поселения не установлена до сих пор, но ещё в 1944 году американский исследователь Т.С. Фарелли высказал предположение, что оно было основано... новгородцами, бежавшими около 1571 года из Новгорода в царствование Ивана Грозного.

Более основательна, впрочем, версия о том, что здесь поселились русские мореходы экспедиции Семёна Дежнёва – два коча экспедиции были унесены бурей и пропали. На основании этого ряд авторов склонен отодвигать дату русского открытия Северо-Западной Америки почти на 100 лет – с 16 июля 1741 года на сентябрь – октябрь 1648 года.

При этом принимаемую некоторыми американистами дату 16 июля 1741 года, когда к берегам Америки на судне «Св. апостол Пётр» подошёл Витус Беринг, объективно необходимо сдвигать на 21 августа 1732 года – день, когда на северо-западный берег Америки ступил геодезист Михаил Спиридонович Гвоздév. О Гвоздэве в своём месте будет сказано подробно, но вот что существеннее всего... Появление первыми из европейцев на северо-западной оконечности Америки русских – в то или иное время, но *первыми* – было обусловлено всесторонне: исторически, географически и цивилизационно.

Вот почему естественной границей России на востоке должны были быть даже не берега Амура и Приморье, не Курилы и Командоры, а те земли Северо-Западной Америки, которые в своё время именовались Русской Америкой и которые к 1810-м годам естественным образом вошли в состав России.

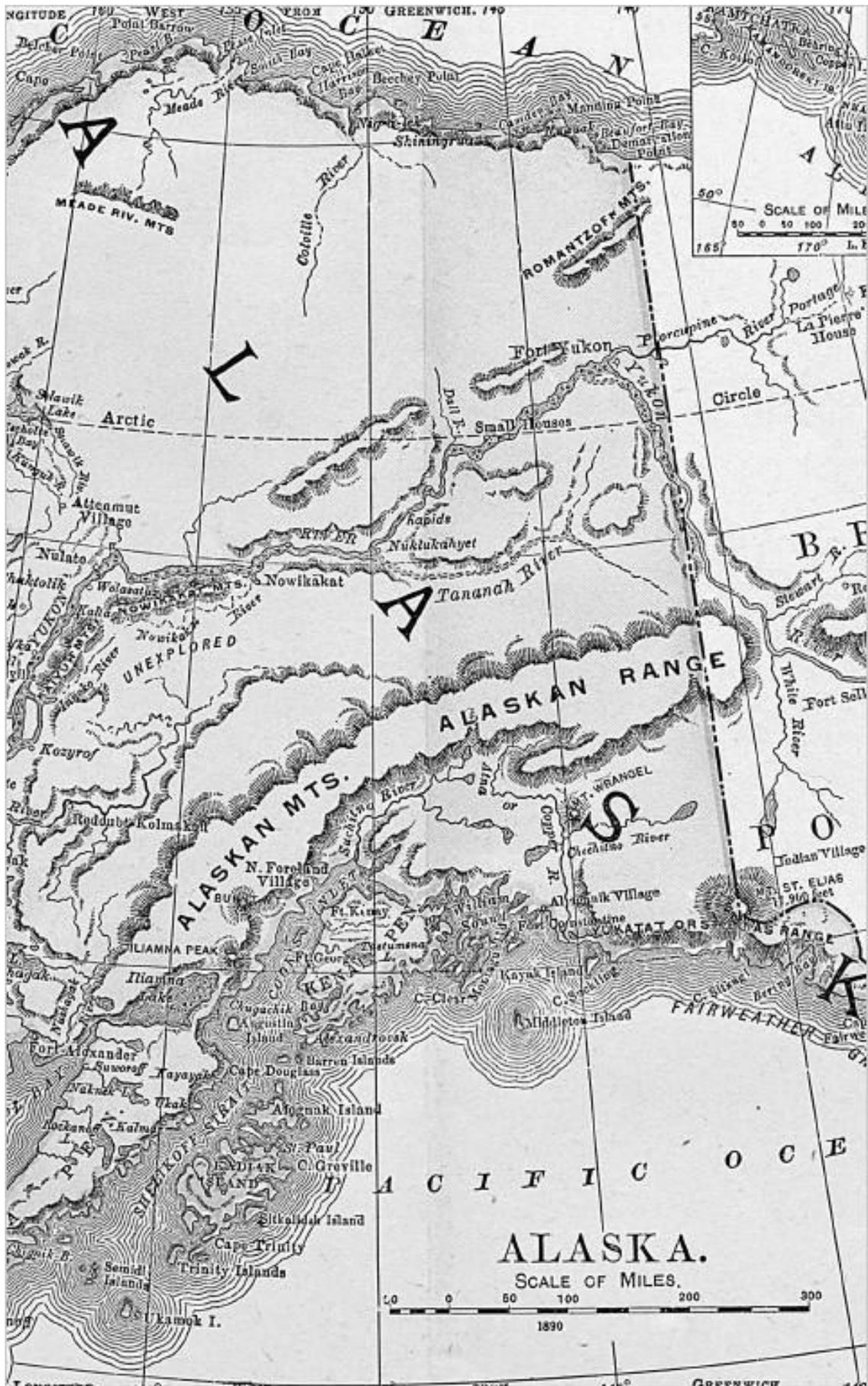
История формирования Русской Америки, её расцвета и её бесславной продажи описана в этой книге. Утратив Русскую Америку, Россия всё более утрачивала и свои великие тихоокеанские перспективы.

Противостояние с Японией ещё более подорвало их, но дальневосточный аспект проблемы – отдельная тема, рассмотренная мной – по мере сил и возможностей – в ещё одной давней книге «Россия и Япония: сравнить! Сквозь прорезь узких глаз». Эту книгу, вообще-то, тоже не мешало бы переработать и переиздать. Ведь история России в её взаимосвязи с историей народов и государств Дальнего Востока: Китая, Японии, Кореи – тоже исследована недостаточно, неполно, а нередко и недобросовестно.

Знание и *понимание* прошлого не только помогает избежать ошибок, но и может способствовать в выработке верной линии поведения народов в настоящем и будущем. Современная – разобщённая и расчленяемая – Россия обязана преодолеть кризис, порождённый как двухвековой подрывной деятельностью внешних злых сил против неё, так и нашим собственным неразумием.

С надеждой на это автор и рекомендует читателю свой давний, но – дополненный и переработанный труд!

*Сергей Кремлёв
(Сергей Брезкун)*

Предисловие-экспликация

ЭКСПЛИКАЦИЕЙ называют краткое пояснение – например, на картах. И поскольку эту книгу хорошо читать, беря время от времени в руки карту, употребление в заголовке слова «экспликация» мне кажется вполне уместным. К тому же автору действительно необходимо кое-что читателю хотя бы кратко пояснить дополнительно. Скажем, пояснить то, почему была написана эта книга и почему она написалась так, а не иначе.

Порой задумываешь одно, а получается иное... И дело тут не в неспособности справиться с материалом, а в самом материале... Когда начинаешь рассматривать его внимательно, детально, то открывается настолько объёмная и непривычная картина давно знакомых – казалось бы – исторических событий и ситуаций, что проскочить «галопом по Европам» (впрочем, в данном случае – по «Азиям» и «Америкам») уже невозможно. Невозможно – если уважаешь себя и своего читателя, с которым хочется поделиться всем интересным и важным, что открылось тебе самому...

Так возникло и это повествование о тихоокеанском аспекте мировой и российской истории. И автор сразу хочет предупредить читателя, что не намерен «выстраивать» некую интригу повествования – она выстроится сама собой на просторах Восточной Сибири, на тихоокеанских островах и «матёрой» земле Америки, под парусами экспедиций англосакса Джеймса Кука и русских Крузенштерна с Лисянским. Эту интригу двигали планы основателей Русской Америки и американских политиканов, тайны лондонского и петербургского дворов, «русские» займы у европейских банкиров, «японские» приключения адмирала Головнина и драма императора Александра I.

Русские передовщики и кормщики, уходившие на Алеуты, и декабрист Завалишин, капитан Сарычев и капитан Гагемейстер, Екатерина Великая и её сын Павел I, купцы Шелихов, Кусков и революционер Франсиско де Миранда, камергер Резанов, известный многим лишь по мюзиклу «Юнона и Авось», и легенда Русской Америки – её правитель Баранов, – это лишь часть тех фигур и судеб, о которых сказано в книге. Увы, Русская Америка – как логичный результат выхода русских на Тихий океан – была предана высшей знатью Российской империи. Вместо «внутреннего» Берингова пролива и моря с обоими русскими берегами, вместо русской Калифорнии и вполне возможных русских Гавайских островов Россия лишь теряла свои восточные перспективы...

В НЕКОТОРОМ смысле эта книга начиналась с рассмотрения европейского аспекта мировой истории и истории России, с трёх первых моих книг: «Россия и Германия: сравнить!», «Россия и Германия: вместе или порознь?» и «Россия и Германия: путь к пакту». В целом они составили своего рода трилогию о прошлом российско-германских и советско-германских отношений. Но для верного понимания исторического процесса конца XVIII века, XIX–XX, а теперь уже и XXI века, нельзя упускать из виду и такой важнейший исторический фактор, как фактор США.

А если говорить о США как о тихоокеанской державе, то надо знать историю Русской Америки. То есть – той русской земли, которой Россия лишилась не волей Екатерины (как уверены сегодня некоторые наши соотечественники), а по небрежению «царя-освободителя» Александра II, «освободившего» Россию от этой, очень нам пригодившейся бы, части национальной территории...

Без знакомства с историей освоения русскими Сибири и выхода к Тихому океану, без знакомства с историей таких древних стран, как Китай, Япония, Корея, без знания взаимосвязей в отношениях этих стран с Россией, с Европой и США, без анализа истории Русской Америки невозможно дать полноценную картину истории мира с XVIII века по начало XXI века.

Лишь поняв, как легли на общую картину «тихоокеанские» краски, мы сможем сказать, что воспринимаем её достаточно полно.

Причём надо знать и понять, что русское движение к Тихому океану было не просто походом за «мягкой рухлядью» – сибирским мехом, а потом – за мехом морских бобров и котиков. Это было великое деяние нации, о котором мы сегодня чаще всего вспоминаем по именам Хабарова и Дежнёва, но которое на самом деле освещено сотнями славных русских имён как в допетровскую, так и в петровскую и послепетровскую эпоху, в эпоху Екатерины II и позднее...

Рассказ об этих временах увлёк меня – как, надеюсь, он увлечёт и читателя. Об истории Российско-американской компании, о её роли для России, об «американской» эпохе Александра I и связи его судьбы с Русской Америкой, о давних отношениях простодушной России и русофобских Соединённых Штатов можно и нужно написать ещё не одну книгу, необходимую и полезную для русского самосознания и самоосознания... Необходимо окинуть наше тихоокеанское прошлое взором не беспристрастным – без умной страсти жизни нет! – но честным и внимательным. Пора понять, чего лишилась Россия, лишив себя Русской Америки...

К слову, лишь через «англосаксонскую» призму можно понять – почему такими разными к началу XX века оказались судьбы Китая и Японии, почему Япония к концу 30-х годов XX века выросла в мощную державу, а древний Китай полностью растратил серьёзный политический вес, был разодран внутренней смутой и японской интервенцией и никем не рассматривался как серьёзный партнёр.

Сегодня уже Россия, раздираемая внутренней смутой и истощаемая ползучей интервенцией внешнего мира, оказывается в примерно том же положении. Но мы всё же по-прежнему русские – спокойно прошедшие за два века «от Москвы до самых до окраин» через сибирские реки и затем так же спокойно шагнувшие через Тихий океан на северо-запад американского континента. И я не советовал бы никому (и прежде всего – нам самим) так уж лихо сбрасывать Россию с исторического счёта.

Но для того, чтобы обрести новое понимание самих себя и увидеть исторические перспективы – свои и всего мира, России надо, кроме прочего, знать свою «русско-американскую» историю, а не *муляж* её. Надо знать историю нашей несбывшейся тихоокеанской мощи.

У высоких берегов Амура всё ещё стоят часовые Родины... А за высокими этими берегами всё так же простирается огромный Китай. И всё так же узкой полоской выходит к границам России древняя земля народа Корё.

За проливом Лаперуза лежит Япония. А за Беринговым проливом начинаются земли бывшей «Русской Америки», безволием и преступным равнодушием царей превращённые с 1867 года в американскую федеральную территорию Аляска.

Да, это – прошлое. Но ведь будущее начинается в прошлом. Думая о будущем, я и предлагаю тебе, уважаемый читатель, отправиться в давнее и не очень давнее прошлое Восточной Сибири, Русской Америки и русского Тихого океана. В то прошлое предков, которое – как и настоящее их потомков, то есть нас, не раз пытались и пытаются замутить враждебные России силы.

Глава 1

Капитан-лейтенант Головин, Курбат Иванов, «горький пьяница» штурман Петров и капитан Кук

24 СЕНТЯБРЯ 1864 года в Нью-Йорке восторженно встречали русскую крейсерскую эскадру, пришедшую в Америку из Кронштадта через Атлантический океан. Ударные силы Балтийского флота под флагом младшего флагмана контр-адмирала Степана Степановича Лесовского включали в себя фрегаты «Александр Невский», «Пересвет», «Ослябя», корветы «Варяг» и «Витязь», а также клипер «Алмаз».

Спустя три дня – 27 сентября уже к тихоокеанскому Сан-Франциско подошла эскадра контр-адмирала Андрея Александровича Попова (позднее знаменитого своим проектом абсолютно круглого броненосца береговой обороны – «поповки»). Отряд судов Тихого океана, пришедший из Владивостока, состоял из корветов «Богатырь», «Калевала», «Рында» и клиперов «Абрек» и «Гайдамак».

В Соединённых Штатах Америки тогда шла война, временно сделавшая эти Штаты скорее Разъединёнными, то есть Гражданская война Севера и Юга 1861–1865 годов. По разным причинам, но и Англия, и Франция противодействовали центральному правительству США (северянам), и англичане начинали готовить блокаду тех американских городов, которые стояли за объединение страны и отмену рабства в южных штатах. Блестящий, скрытный, совместный маневр кораблей русского флота напрочь сорвал планы англо-французов относительно Америки. А сама операция во всём мире была признана классическим примером мирной военной демонстрации.

Честно говоря, Россия тут не совсем таскала каштаны из огня только лишь для янки. Наши отношения с Англией и Францией тоже были далеки от идеальных из-за обострения «польского» вопроса ввиду Польского восстания 1863–1864 годов, вспыхнувшего не без поджуживания из Лондона и Парижа. Поэтому считается, что «американские» экспедиции Лесовского и Попова имели одной из целей возможное развёртывание крейсерской войны против английского и французского торгового судоходства.

Однако, в чём-то, возможно, и помогая себе, Россия помогла Америке намного больше... Демонстративный визит русских эскадр, затянувшийся до конца 1864 года, был Америке более чем кстати. И лондонская «Таймс» кисло констатировала: «Муниципалитет и высшая буржуазия Нью-Йорка осыпают всевозможными почестями русских офицеров. Процессии, обеды, балы, серенады – все средства пущены в ход, чтобы показать, до чего рады американцы...»

До чего американцы были рады (а рады они были, как мы сейчас увидим, *до слёз*), рассказал уже в 1913 году великому князю Александру Михайловичу (двоюродному дяде Николая II – «дяде Сандро») его американский друг Мирон Геррик. Геррик во время Гражданской войны был мал, но помнил, что «это был самый трагический момент в истории нашего Союза, и мать ходила с глазами, полными слёз».

Однажды Геррик играл на заднем дворе их фермы и вдруг услышал крик матери:
– Мирон, Мирон, поди сюда сейчас же!

Сын подумал, что с матерью случилось что-то ужасное, но, ворвавшись в комнату, увидел её с газетой в руках и с уже привычными слезами на щеках.

Мать беспрестанно повторяла:

– Мирон, мы спасены! Русские прибыли! Мирон, мы спасены!

Мирон знал о коварных англичанах, которых надо остерегаться, знал о французах, написавших плохие книжки... Но русские – это что ещё за новость?

И мальчик осторожно спросил:

– Мама, они похожи на индейцев? Скальпируют ли они людей?

А у мамы вс'катились из глаз слёзы, но уже – счастья...

«Американские» экспедиции русский флот предпринял ещё два раза – в 1870–1871 годах и в канун Русско-турецкой войны 1876–1877 годов. Каждый раз политическая выгода от этих акций дипломатического использования Россией своих морских сил хотя и была в определённой мере обоюдной, но янки выигрывали и тогда больше, чем мы. Однако уже к концу 70-х годов XIX века подобные акции отошли в область истории дипломатии – США односторонне свернули военно-морское сотрудничество с Россией. И удивительного в том ничего не было – янки получили от русских то, что хотели, и теперь можно было обходиться без обедов, балов, серенад и совместных морских демонстраций.

В полной мере оправдалась трезвая оценка капитан-лейтенанта (позднее – капитана 2-го ранга) Павла Николаевича Головина, знавшего Соединённые Штаты не понаслышке, а в силу своей причастности к проблемам Русской Америки. В докладе брату императора Александра II – великому князю Константину, сыгравшему в деле «освобождения» России от её американских владений ведущую роль, Головин 20 октября 1861 года писал:

«...Что касается до упрочения дружественных отношений России с Соединёнными Штатами, то можно сказать положительно, что сочувствие к нам американцев будет проявляться до тех пор, пока оно их ни к чему не обязывает или пока это для них выгодно...»

Как в воды Тихого, а заодно – и Атлантического, океана смотрел капитан-лейтенант Головин. Всё вышло так, как он и предупреждал. И 30 марта 1867 года государственным секретарём США Уильямом Генри Сьюардом совместно с посланником России Стеклем был подписан Договор о продаже русских владений в Америке. В обмен на 7 миллионов 200 тысяч долларов (сумма ничтожная и для России и, тем более, для США) Россия уступала Соединённым Штатам владения Российско-американской компании и её архивы.

Даже архивы!

Видно, задолго до появления ренегатов типа генерала Волкогонова кое-кто хорошо понимал важность уничтожения или сокрытия таких документов, которые могут стать со временем очень уж неудобными – для кое-кого...

Даже архивы прикупили у нас американцы. И даже архивы побоялись сохранить – как свидетельство славного прошлого – дипломаты «царя-освободителя» Александра II! Бездарного и бездушного царя, бестрепетно «освободившего» Россию и от огромной части пусть и дальней, но российской земли, и от грандиозных перспектив, вытекающих из русского владения ею.

Между прочим, приведённая выше фраза из доклада Головина при печатании его в первом номере «Морского сборника» за 1862 год была опущена, как было опущено и замолчано и многое другое – тогда и потом.

И поэтому начать придётся издалека...

НАЧАЛЬНЫЙ толчок русскому движению в сторону Тихого океана дал Иван IV Грозный. Великий патриот, великий русский и истинно русский человек, именно поэтому он был не раз оклеветан. Оклеветан за рубежом и, как водится на Руси, ещё более – на родине.

Родившись в 1530 году, оставшись сиротой в три года, оказавшись в том же нежном возрасте свидетелем зверских боярских дворцовых расправ, поощряемый подростком теми же боярами к жестокости, Иван Грозный правил далеко не как идеальный «просвещённый» монарх. Однако в семнадцать лет он венчался на царство как «царь и великий князь всея Руси» и очень поспособствовал тому, чтобы этой «всея Руси» к концу его царствования было территориально намного больше, чем к началу. Не всё у него получалось на западе, но вот на восток

к 1584 году, в котором Грозный скончался, Русь продвинулась значительно. И направление было задано с перспективой – на века вперед и в нужную сторону.

На восток простые люди шли веками по разным причинам и поводам, начиная с того, что на просторах Сибири не было бояр и помещиков и наиболее смелых и деятельных привлекала вольная жизнь. К тому же не забудем – с 1773 по 1775 год по России прокатилось казацко-крестьянское восстание Емельяна Пугачёва, и после его подавления бегство в Сибирь для спасшихся участников оказывалось не только наилучшим, но и единственным, по сути, вариантом. А бывшие пугачёвцы были народом неробким, битым, сидеть сиднем и отлёживаться на печи несклонным. Богатство Сибири ценным пушным зверем тоже имело своё значение.

В целом же движение на восток оказалось делом всей складывающейся русской нации. Это было стихийное, то есть неосознанное, но исторически вполне закономерное продвижение России к своим естественным восточным рубежам. Уже в 1555 году хан сибирского ханства Едигер признал себя данником Русского государства. Поход же Ермака Тимофеевича 1581–1584 годов подготовил окончательное присоединение Западной Сибири к России.

Сибирь – понятие ёмкое...

Мы привычно произносим: «Покорение Ермаком Сибири», но Ермак 26 сентября 1581 года занял лишь столицу хана Кучума – Кашлык, именуемую также Сибирью. Сейчас в этом месте, у слияния Тобола и Иртыша, стоит Тобольск. Лишь впереди, в историческом далеке маячили будущие Омск, Томск, Канск, Енисейск, Красноярск, Иркутск, Якутск, Охотск...

Велика Сибирь, а за ней – ещё и Амур, Приморье...

Сибирь – это и Чукотка, и Камчатка...

А дальше – Сахалин, Алеуты, Командоры, Курилы...

И – Аляска...

Впрочем, историческое «далёко» оказалось не таким уж и далёким. Даже во время первой Русской смуты, когда поляки в 1610 году занимали московский Кремль, русский торговый человек с Северной Двины Кондратий Курочкин плывал по Енисею.

А ещё раньше – в 1601 году в Западной Сибири возникает легендарная Мангазея. Этот торговый город-порт в 180 километрах от устья реки Таз, впадающей в ответвление Обской губы – губу Тазовскую, был заложен как крепость-«острог» и быстро превратился в оживлённый центр меновой торговли и соболиного промысла с двумя тысячами жителей. По нынешним понятиям – село, но в этом «селе» ни один из его населяющих лаптем щи не хлебал. Это был отборный русский народ, отсортированный тысячекилометровыми походами, ветрами, выюгами и отмеченный умением, смёткой и удачью. В Мангазее кипели отнюдь не сельские страстишки, решались отнюдь не сельские проблемы и задумывались дела далеко не сельского масштаба.

Конечно, Мангазея – это всего лишь выход вдоль полуострова Ямал в Карское море, в Северный Ледовитый океан. От Ямала до Чукотки – добрых четыре тысячи километров. Но от Мангазеи путь лежал на Таймыр, на Енисей и дальше – на Лену. А Верхняя Лена – это уже, считай, мы у океана Великого, Тихого... Тысяча километров, и вот оно – Охотское море.

В 1940 году советская гидрографическая экспедиция на судне «Норд» на одном из островов группы Фаддея в районе Таймыра нашла старинное походное снаряжение, а ещё русские серебряные монеты чеканки не позднее 1617 года, а на берегу бухты Симса – останки трёх человек, развалины избы, обрывок жалованной грамоты, личные вещи и два именных ножа. На ножах угадывались имена – Акакий и Иван Муромцы... Славные, богатырские земляки и потомки русского богатыря Ильи Муромца из села Карачарова...

Но это был пока ещё «только» Таймыр.

На очереди стояла Лена.

В 20-е годы XVII века русские люди там уже «гуляли»... А в районе Нижней Ангары, которую русские вначале называли Верхней Тунгуской, они бывали с 1618 года, когда был

основан Енисейский острог. Однако о тех временах, о походах «гуляющего человека» Пянды, сохранились на бумаге лишь изустные легенды, записанные через сто двадцать лет Герардом Фридрихом Миллером – участником академического отряда русской Великой Северной экспедиции. Зато документально известно, что первый поход Мартына Васильева северным путём с Енисея на Лену относится к 1630 году. И в том же году на Лену приходит енисейский сотник Пётр Иванович Бекетов.

В 1632 году на правом берегу Лены Бекетов закладывает Ленский (Якутский) острог. В наше время под «острогом» понимается тюрьма, но тогда «острогами» называли небольшие городки, обнесённые защитным частоколом из заострённых, «остроганных» брёвен.

Итак, в 1632 году русские обосновываются уже на Лене. Причём это – не прихоть казацкой вольницы, не подотчётной Москве и не подкрепляемой высшей властью. Это – процесс, к которому власть проявляет постоянное внимание. В 1634 году были основаны Вилюйск, в 1635 году – Олекминск. В 1638 году учреждается новое Якутское воеводство. Первые воеводы – Пётр Петрович Головин и Матвей Богданович Глебов прибыли на Лену с отрядом в четырёста человек в 1640 году. Однако уже до этого Якутск становится удобной отправной базой для новых поисковых экспедиций – к реке Шилкару, ныне известной нам как Амур, и к Тёплому морю, то есть к Тихому океану.

А в 1644 году новые воеводы Василий Никитич Пушкин и Кирилл Осипович Супонев отправляли казённые бумаги в Москву в сопровождении «Ленских служилых людей»... То есть уже было устоявшееся «канцелярское» понятие – «Ленские служилые люди»!

Дорогой мой читатель! Это ведь всё наши прямые предки, а мы – их прямые потомки. Вот лишь некоторые имена тех, кто – так или иначе, но вошёл хотя бы в малотиражные научные монографии: Поздей Фирсов, есаул Богдан Брязга, служилый человек Василий Бугор, атаман Иван Галкин, десятник Андрей Дубина, Степан Корытов, казачий пятидесятник Илья Перфильев, Иван Иванович Робров, Елисей Юрьевич Буза, Посник Иванович Губарь, Селиван Харитонов, Иван Родионович Ерастов, Андрей Горелый, Фтор Гаврилов, сын боярский Иван Похабов, атаман Дмитрий Епифанович Копылов, казаки Иван Юрьевич Москвитин и Нехорошко Иванович Колобов, Антон Захарьевич Маломолка, Харитон Лаптев, казачий пятидесятник Курбат Афанасьевич Иванов... И, конечно же, был среди них вечный «неизвестный солдат» России – Иван Безымянновеликий.

Какая звучность, какой – порой – беззлобный юмор в именах и прозвищах... Какой простор и сила русской души, какие судьбы!

Какие свершения!

И в каких краях...

Топи, гнус, неизвестность, стена тайги, волок и переправы, душная жара и душающий холод. А они шли и шли... И одни продолжали путь других.

Иван Юрьевич Москвитин – казак из отряда атамана Дмитрия Копылова, в 1638 году пришёл из Томска на Лену, а потом двинулся в бассейн Алдана к реке Мае с группой товарищей. Там волоком прошёл к Улье, а уж та впадает прямо в Охотское море (посёлок Улья на его берегу есть и на современной карте). Так русский человек впервые вышел к «Большому морю-Окияну».

В Якутск Иван Юрьевич вернулся в 1642 году, а через четыре года его путём ушёл отряд якутского служилого человека Алексея Филиппова. «Показания» Филиппова, данные им по возвращении в 1652 году в Якутске, стали первым официальным документом о плавании русских вдоль северного берега «Ламского», то есть Охотского, моря. Но ещё в 1642 году казак Курбат («Курбатко») Иванов по собственным географическим данным и данным, собранным Иваном Москвитиным, составил первую карту Дальнего Востока. Иногда Курбата Иванова и другого Иванова – Константина Иванова Москвитина историки соединяют в одну фигуру (см.,

например, «Вопросы истории», № 4, 2004), но это, пожалуй, символично. Много в истории Сибири и Дальнего Востока было их – Иванов, Ивановичей, Ивановых...

Всех их судьба помытарила вдоволь... Ерофей Павлович Хабаров пришёл на Енисей с братом Никифором и племянником Артемием Филипповичем Петриловским в 1630 году. Ранее он держал в Сольвычегодске соляные варницы, ходил в Мангазею... В Сибири вначале хлебопашествовал, нажил состояние, но затем ушёл на Лену. Плавал по Ангаре, по её притоку Илимю, заводил новое соляное дело, стал крупнейшим хлеботорговцем в Якутском уезде. В 1643 году попал на два года в тюрьму за отказ снабдить якутскую казну деньгами и всё же вновь уходил с отрядами «охотников» в неизвестное. Даже обласканный царём Алексеем Михайловичем, Хабаров вновь арестовывался на Лене за неуплату долгов, сделанных перед даурским походом. Окончательная судьба Хабарова точно не известна, однако выдающимися делами он в итоге обессмертил себя, дав своё имя огромному городу Хабаровску и скромной железнодорожной станции Ерофей Павлович.

15 июля 1643 года из Якутска вышла с целью пройти на юго-восток экспедиция Василия Даниловича Пояркова в составе 132 человек. Она шла вначале вниз по Лене, затем вверх по Алдану, по его притоку Учтуру, а у слияния Учтура и реки Гонама зазимовала. Весной через Становой хребет Поярков, теряя людей в стычках и от болезней, вышел на реку Зeya, а затем – и на Сунгари, на Уссури и в устье Амура. Так русские – пока лишь эпизодически – знакомились с будущим российским Дальним Востоком.

На Колыму русские землепроходцы пришли в 1640-х годах: в 1643 году было основано Среднеколымское зимовье, в 1644 году – Нижнеколымское и в 1647 году – Верхнеколымское. В 1647 году Семён Андреевич Шелковник близ устья реки Охота (от искажённого эвенкийского *окат* – река) основал Охотский острог – первый русский порт на Тихом океане. А в конце XVII столетия в русскую жизнь входит Камчатка. В 1700 году казак Иван Голыгин проехал на оленях и собаках от Анадырского острога на восточный берег Камчатки, а затем пересёк в юго-западном направлении почти весь полуостров. Голыгин и погиб на Камчатке, и на ней есть река Голыгинская, впадающая в Охотское море у 52-го градуса северной широты.

В 1661 году енисейский сын боярский Яков Иванович Похабов доносил царю Алексею Михайловичу, что *«июля в шестой день против Иркутка-реки на Верхоленской стороне государев новый острог служилыми людьми ставлю...»*, а в 1675 году через Иркутск проезжал с миссией в Китай молдавский боярин на русской службе Спафарий-Милеску (1636–1708), и 5 сентября 1675 года он записал: *«В Иркутский острог приехали... в другом часу ночи, а Иркутский острог стоит на левой стороне реки Ангары...а острог строением зело хорош, а жилих казацких и посадских дворов с 40 и больше...»*

Французский писатель Жюль Верн в трёхтомной «Истории великих путешествий», в книге первой – «Открытие земли», о вековой эпопее открытия и освоения русскими людьми доброй одной девятой части суши не сказал ни слова. И не потому, думаю я, что относился к нам пренебрежительно – просто он мало об этом знал. Зато неуважительно и пренебрежительно, с некоторых недобрых пор, начали относиться к себе мы сами, не умея и ленясь прославить если не себя – делами, так хоть дела предков.

Но когда началась линия Иванов, не помнящих родства? Что ж, началась она не вчера, хотя лишь сегодня – к 10-м годам XXI века – она начинает приобретать масштабы и характер национальной катастрофы. А долгое время антирусская линия в русской истории вилась где-то на обочине, ибо по историческому большаку шла русская слава, олицетворяемая героями и подвижниками русского дела.

Екатерина II Великая называла Россию «Вселенной». Природная немка, она сделала для России немало и Россией гордилась, как и наиболее яркие государственные фигуры её эпохи, начиная с Потёмкина-Таврического, Румянцева-Задунайского, Суворова-Рымникского, «морского Суворова» – Фёдора Ушакова...

Несколько сумбурный, но отнюдь не безумный сын Екатерины Павел русской гордостью тоже не пренебрегал. Забегая далеко вперёд, сообщу, что именно его Указом от 8(19) июня 1799 года и под его высочайшим покровительством было создано самобытное и ныне почти забытое явление русской жизни XIX века – Российско-американская компания.

Сын Павла – «хитрый византиец», «плешивый щёголь, враг труда» Александр I – самим ходом истории, «грозою 12-го года» был обречён быть русским патриотом. Но был он патриотом колеблющимся и слишком часто – бездеятельным. О нём и его времени у нас будет обстоятельный рассказ...

Царь Николай I был, напротив, деятелен. Поэт и дипломат Тютчев не без оснований отказал ему в служении России («Не Богу ты служил, и не России, служил лишь суете своей...»), но Николай I званию русского был всё же по-своему предан. В конце царствования он обесславил позором Крымской войны свою же работу во имя державы, но патриотом царь был. Иначе не было бы ни постепенного его сближения с Пушкиным, ни массового героизма генералов, адмиралов, офицеров, солдат и матросов на бастионах Севастополя и на камчатских холмах в ту же Крымскую войну. Не было бы удалы и инициативы русского моряка Невельского и его товарищей, давших России Амур и Приамурье...

Увы, Николай не изгнал из власти чужака Нессельроде, не воспитал патриотами сынов своих, Александра и Константина. Эти-то двое и сдали янки огромные наши территории по ту сторону Берингова пролива. С них-то, с двух средней руки бар Романовых, пожалуй, и началось небрежение русской славой и результатами, ею добытыми.

Да, началось с этого – с продажи «Аляски» в 1867 году, а продолжилось во время Русско-турецкой войны 1877 года пирами по случаю тезоименитства «Его Императорского Величества Александра II» – когда под льющееся рекой шампанское в виду поля битвы бесполезно лилась ручьями русская кровь в ходе штурма Плевны, спешно подогнанного к «дате».

Чуждая интересам России, война эта стала логическим продолжением той антинациональной политики Александра II, которая наиболее ярко проявилась в продаже Русской Америки.

АМЕРИКУ открывали много раз и с разных сторон. Но со стороны её западной оконечности честь открытия принадлежит исключительно русским – первооткрывателями стали геодезист Михаил Спиридонович Гвоздév и подштурман Иван Фёдоров, плававшие на боте «Святой Гавриил». И они заслуживают отдельных слов о них, которые будут в своём месте сказаны.

Но можем ли мы не вспомнить вначале Семёна Ивановича Дежнёва? И вспомнить не только потому, что волей судьбы самая восточная точка России – мыс Дежнёва носит его имя, а и потому, что немалой ценой давались эти открытия: *«Пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны, голодны, наги и босы. А шёл я, бедный Семейка, с товарищи до Анадыря-реки ровно десять недель, и рыбы добыть не могли, лесу нет. И вверх... ходили двадцать дён, людей и... дорог иноземских не видали. И воротились назад, и, не дошед, за три днища до стану, обночевались, почали в снегу ямы копать...»*

Всё это было уже на обратном пути, после того, как Дежнёв и его сотоварищ Федот Попов, выйдя со спутниками 20 июня 1648 года из Колымы в Ледовитый океан на семи кочах, направились на восток и впервые прошли морем в Тихий океан. Коч Попова на обратном пути забросило на Камчатку, но оттуда кочевщики не вернулись, и сведения о них Дежнёв получил значительно позднее от якутов.

Экспедиция Дежнёва и Попова, по сути, замкнула континентальные маршруты русских «крепких людей». И теперь оставалась хотя и тяжкая, однако уже более-менее понятная работа по освоению пройденного и открытого. Начинаются континентальные «одиссеи» Пояркова, Хабарова, Бекетова, Атласова...

Впрочем, открытие Дежнёва в полном смысле этого слова открытием, пожалуй, не стало. И сам Дежнёв был надолго забыт, и не было у русского первопроходца точных данных о том, что же он и его товарищи совершили, что открыли. Подлинная география восточной оконечности Русской земли ложилась на карту медленно, ценой не только больших трудов, но и – многих жизней.

Даже капитан-командор российского флота, датчанин Витус Беринг, чьим именем назван пролив между Россией и Америкой, не сразу понял, что он прошёл водами, кои разделяют два материка. Беринг, вообще-то, искал перешеек, их *соединяющий*. И лишь в ходе 2-й Камчатской экспедиции Беринга Северо-Западная Америка, как отдельный от Азии материк, была открыта достоверно. 15 июля 1741 года берегов Америки достиг корабль Алексея Чирикова «Св. апостол Павел», а 16 июля – флагманский корабль Беринга «Св. апостол Пётр».

Но я пишу, не историю географических открытий, и первоначальная ошибка Беринга не так уж для нас и важна. Важно то, что Беринг, отправленный к Тихому океану прямым наказом Великого Петра, сыграл в будущей судьбе Русской Америки роль немалую. И не столько даже сам Беринг – он допустил на Тихом океане ряд не только географических, но и организационных ошибок, сколько результаты 1-й (с 1725 по 1730 г.) и 2-й (с 1733 по 1741 г.) Камчатских экспедиций Беринга. А вот то, что за границу попало разными (но равно нелегальными, незаконными) путями не менее десяти копий итоговой карты 1-й Камчатской экспедиции, – это уже по части не географии, а историко-политического шулерства.

И это уже к нашей теме ближе...

С картой Беринга всё оказалось настолько неясно, что при размышлении над её судьбой кое-что, пожалуй, напротив, проясняется. Дело в том, что итоговая карта 1-й Камчатской экспедиции была доставлена в Петербург в 1730 году и представлена в Сенат, а в Адмиралтейств-коллегии осталась специально выполненная копия. Но, как сообщается в монографии Е.Г. Кушнарева «В поисках пролива», изданной в 1976 году, **подлинник карты до сих пор не обнаружен**, известны лишь копии, хранящиеся в отечественных архивах и за рубежом.

Причём уже в 1735–1737 годах итоговая карта 1-й Камчатской экспедиции была издана в Европе, хотя лишь в 1758 году академик Герард Миллер издал одновременно на русском и немецком языках подробное «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учинённых». Этот труд сразу же перевели на французский и английский языки.

Впервые карту первого путешествия Беринга опубликовал французский учёный-иезуит Жан дю Альд (Дюгальд) в Париже в 1735 году. Дю Альд сообщал, что карту, мол, получил от польского короля, а тому её преподнесли-де неизвестные «доброжелатели». Но французский же историк Каен признавался, что к дю Альду эта карта попала от видного французского географа д'Анвиля (также – Ж.-Б. Б. де Анвилль). А уж д'Анвилю её передал некто Жозеф Николя Делиль да ла Кройер, с 1726 по 1747 год состоявший на службе в Российской академии наук географом и переправивший оттуда в Европу, по некоторым данным, несколько сотен (!) русских карт.

С Делилем связана также история одной из злополучных карт, которыми пользовалась 2-я Камчатская экспедиция Беринга, – той, по которой экспедиция искала некую Землю Хуана де Гамы (Хуана-да-Гамы). Старший офицер и штурман флагманского пакетбота «Св. апостол Пётр» Свен Ваксель негодовал впоследствии: *«Карта Делиля была неверной и лживой, ибо в противном случае мы должны были перескочить через землю Хуана де Гамы... кровь закипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем. По вине этой карты почти половина нашей команды погибла напрасной смертью»*.

Не только будущий капитан 1-го ранга российского флота Свен (Ксаверий) Лаврентьевич Ваксель, но и позднейшие исследователи считали, что многие неудачи 2-й Камчатской

экспедиции объясняются «злоумышленной» картой Делиля. Как видим, шулеры случаются не только за карточным, но и за картографическим столом.

Писавший о Камчатских экспедициях Беринга советский писатель-путешественник Леонид Пасенюк считал, впрочем, что ошибка Делиля была ненамеренной – он якобы просто некритически воспроизвёл на своей карте Землю Хуана да Гамы, значившуюся, как Пасенюк пишет, «на картах Гомана 1712 года, Гийома Делиля 1714 года и карте Российской империи Кириллова 1734 года». И всё восходило к ещё более ранней карте португальского географа Тексейра, который нанёс эту вымышленную землю на свою карту к востоку от Японии ещё в XVII веке.

Однако версию Леонида Пасенюка принять за удовлетворительную нельзя никак. Гильом Делиль де ла Кройер щеголял громким титулом «географа короля французов», но каких-либо мало-мальски достоверных сведений о географии северной части Тихого океана ни он, ни португалец Тексейра, ни даже автор первого атласа России старший секретарь Сената Иван Кириллович Кириллов иметь не могли – их как раз и добывали экспедиции под руководством Беринга и его помощников Чирикова и Вакселя. (Собственно, «земля да Гамы», показанная на Генеральной карте России из атласа Ивана Кириллова как узкая сплошная полоса суши, представляла собой островную Алеутскую гряду, русским уже частично известную.)

При этом в тогдашней ситуации с российскими географическими исследованиями была некая порочная особенность. С одной стороны, импульс, данный этим исследованиям Петром I, не мог уже быть игнорирован полностью никем – даже на паркетке дворцовых гостиных. С другой стороны, 2-я экспедиция Беринга готовилась во времена Анны Иоанновны – наиболее, пожалуй, дурно пахнущей фигуры на российском троне, и так не очень-то после Петра благоухавшем. Так вот, стараниями Жозефа Николя Делиля и его брата Гильома Делиля, астрономом 2-й Камчатской экспедиции в её Научный отряд был назначен их сводный брат Людовик Делиль де ла Кройер – якобы профессор астрономии, а в действительности бездарный авантюрист, даровитый – как выяснилось в ходе экспедиции – лишь по части спекуляций с пушниной. Причём де ла Кройер получил от Сената особые полномочия, и в Указе Сената было сказано: «...чтоб в вояж сперва шли по предложению и мнению профессора Делиля».

Когда 4 мая 1741 года капитан-командор Беринг собрал на рейде Петропавловской гавани на флагманском корабле «Св. апостол Пётр» совещание для определения курса экспедиции, то именно Людовик Делиль, развернув карту Жозефа Делиля, настаивал на поисках Земли де Гамы, соблазняя офицеров Беринга её кладами и сокровищами. В действительности Земля де Гамы существовала лишь на карте брата Делиля, как и обозначенные там же Земли Езо и Штатов, но Делиль был красноречив и настойчив.

Мнимые «земли» «Езо» и «Штатов» («Компанейская земля») впервые появились на картах стараниями западноевропейских же картографов. Первая обозначалась на месте Камчатки, Сахалина и Курил... В своём «Описании земли Камчатки», изданном впервые в Санкт-Петербурге в 1755 году, сподвижник Ломоносова Степан Петрович Крашенинников в части I «Камчатка и соседние страны» в главе девятой «О Курильских островах» писал: «Далее можно исправить ошибку во всех географических описаниях, по которым к северо-востоку от Японии располагается единая большая земля Езо. В действительности эта земля состоит из описанных выше островов (южных Курильских. – С.К.)».

«Землю Компании», или «Землю Штатов», якобы «открыл» голландский мореплавателю Мартин-Герритс де-Фриз (Вриз), которого применительно к его «открытию» вернее было бы назвать «Ври-с!». Выйдя в 1643 году на корабле «Кастрикум» из японского порта Нагасаки и блуждая в тумане, он видел очертания какой-то земли, не проводя съёмки. В результате европейские географы стали указывать вблизи тихоокеанских берегов Северной Азии землю, называемую то Компанейской – в честь Нидерландской Ост-Индской компании, на службе которой

находился Фриз, то Землёй Штатов – в честь парламента Нидерландской республики. В действительности же Фриз видел всего лишь один или несколько островов Курильской гряды.

Голландцы были, конечно, первоклассными моряками, но, как видим, в 1643 году не рискнули углублённо окунуться в тихоокеанские туманы даже на уровне 50° северной широты и даже ниже, а русские основали первый свой порт на Тихом океане в 1649 году на уровне примерно 60° северной широты. Это поселение близ устья реки Охота было названо вначале Косым острожком, позднее – Охотским острогом, Охотским портом, а к 1783 году здесь стоял город – Охотск. Как видим, русские добрых сто лет ходили под солнцем северных тихоокеанских широт в гордом одиночестве, если не считать японских рыбаков, случайно и против их воли заносимых течениями в высокие широты.

Возвратимся к майскому совещанию Беринга на Петропавловском рейде... Как было сказано в составленном по его результатам «Решении», *«сего числа (4 мая 1741 года. – С.К.) з-н капитан-командор Беринг з з-ном капитаном Чириковым и со всеми обор-офицеры и штурманами, и приглася к тому астрономии профессора ла Кроера, имел кансилиум о определении первого куриша, какой надлежит иметь, вышед из Авачинской губы для сыскания земли Иан да Гама, которая показана на карте помянутаго профессора...»*

На этом «кансилиуме», по заслушании *«пунктов, написанных в данной ему, капитан-командору Берингу от Государственной адмиралтейской коллегии инструкции»*, разгорелись споры. Беринг тогда колебался, а резко против предложения Делиля искать «сокровища» «Земли да Гамы» выступил лишь Алексей Чириков – заместитель Беринга и командир второго пакетбота экспедиции «Св. апостол Павел». Чириков высмеял доводы Делиля и прозорливо заявил, что поиски земли, существование которой никто не смог доказать в течение ста лет, будут лишь напрасной тратой благоприятного навигационного времени.

Офицеры «Св. Павла» лейтенант Иван Чихачёв, флота мастер Авраам Дементьев и штурман Иван Елагин поддержали своего командира, а все офицеры пакетбота «Св. Пётр» – лейтенант Ваксель, штурман Андрис Эзельберг и флота мастер Софрон Хитрово (Хитров) приняли сторону Делиля, как затем и сам Беринг. Начальник экспедиции сослался на ту самую особую инструкцию Сената и Адмиралтейств-коллегии, предписывающую избирать курс *«по предложению и мнению профессора Делиля»*.

В результате вместо того, чтобы идти прямо на восток к Америке, экспедиционные суда три недели хорошей летней погоды бесцельно утюжили воды, никакой земли не открыв. А позднее начались те напрасные проблемы и страдания, на которые так жаловался Свен Ваксель, подавшийся в числе других на провокацию Делиля.

Но почему и как возникла в судьбе 2-й Камчатской экспедиции Беринга и злополучная карта, и злополучный сенатский указ, *заранее* отдававший приоритет мнению «профессора» Делиля? В той же инструкции Адмиралтейств-коллегии говорилось, правда, что *«и в том у вас руки не связываются, дабы оной вояж от того не учинился безплодной...»*. Но видно, указание об ориентации на мнение француза весило больше, чем указание Берингу о формальной свободе рук.

Почему было так?

И кто в русской столице так высоко ценил мнение заезжего прощельги, хотя в составе 2-й Камчатской экспедиции был не только сам Беринг, руководивший 1-й Камчатской экспедицией, но и опытный, без двух лет сорокалетний Алексей Чириков, участвовавший в 1-й экспедиции? Были опытными мореходами и Софрон Хитрово, Иван Чихачёв, Андрис Эзельберг, Авраам Дементьев, да и многие члены команд экспедиционных судов. Однако предпочтение было отдано заведомо некомпетентному и невежественному проходимцу.

Почему?

И – кем?

Людовик Делиль де ла Кройер, сыгравший во 2-й экспедиции Беринга зловещую роль провокатора, от своих провокаций и махинаций с пушниной много проку не получил. Плавая с Чириковым на «Св. Павле», де ла Кройер осенью 1742 года умер от цинги – с Тихим океаном шутки были плохи, он и самого капитан-командора Беринга в итоге не пощадил. 8 декабря 1741 года во время зимовки на Командорах Беринг умер от той же цинги и был похоронен на острове из группы, поименованной в его честь Командорскими островами. Лейтенант Свен Ваксель во «всепокорнейшем» рапорте в Адмиралтейств-коллегию от 15 ноября 1742 года о плавании с Берингом к берегам Америки сообщал о смерти начальника экспедиции так: *«А между тем декабря против 8-го числа прошедшаго 741-го году по воли божией умер капитан-командор Беринг в цынготной болезни, которою мучим был около четырех месяцев безвыходно, и погребен на том острове, на котором мы зимовали с командою. А по смерти его, капитан-командора, принял команду я...»*

Умерли во 2-й экспедиции от цинги также Чихачёв, Эзельберг, Плаутин и многие из команд обоих пакетботов. Ещё раньше пропали без вести «ялбот и малая лодка» с десятью членами вооружённой команды во главе с Дементьевым, посланные 18 июля 1741 года на американский берег острова Якобия в архипелаге, впоследствии названном именем императора Александра I.

Тяжело болел Чириков...

В АРХИВАХ сохранилось «определение» офицеров пакетбота «Св. Павел» о возвращении экспедиции на Камчатку, принятое *«1741-го года июля 26-го дня»*, где отмечалась пропаша команды Дементьева и отсутствие вследствие этого *«при пакетботе никакого судна... не токмо на разведывание, какое чинить можно, но и воды в прибавок получить невозможно»*. На пакетботе оставалось *«воды по счислению токмо 45 бочек, ис которых может быть несколько и вытекло»*, а расстояние до Авачи составляло *«близ 2000 минут»*, то есть около 2000 морских миль (1 миля = 1 минуте, т. е. 1/60 градуса, или 1852 м).

«Определение» заключало: *«...и на такое дальное расстояние имеющейся воды не очень довольно, понеже какие будут стоять ветры неизвестно»*. В результате обсуждения сложившейся ситуации *«того ради и определили возвратиться, дабы за неимением воды не воспоследовало крайнее бедствие всему судну»*.

Этот документ, кроме капитана Алексея Чирикова, подписали также лейтенанты Иван Чихачёв, Михайла Плаутин и штурман Иван Елагин. Однако Чихачёв и Плаутин до Камчатки не дожили, они умерли на обратном пути от цинги: Чихачёв 7 октября, а Плаутин – 9 октября 1741 года...

Штурман Иван Елагин (ум. в 1766 г.) остался на «Св. Павле», по сути, единственным действующим офицером, потому что Чириков находился в критическом состоянии, да и сам Елагин болел. Однако он сумел привести пакетбот к Камчатке без аварий, в пути видел полуостров Кенай, острова Афогнак и Кадьяк, четыре Алеутских острова...

В 1742 году Елагин вновь плывал с Чириковым на восток, и во время этого плавания были вновь (после Беринга) открыты Командорские острова...

Далеко на западе – в Петербурге – кипели мелкие придворные страстишки, ибо время оказывалось для царедворцев смутным, российский трон то и дело переходил из одних рук в другие... 17 октября 1740 года скончалась императрица Анна Иоанновна и формально на престол взошёл (впрочем, следует сказать, *был положен*) годовалый сын «правительницы» Анны Леопольдовны – «император» Иван VI.

25 ноября 1741 года петровские ветераны «подчистили» остатки «бионовщины» и возвели на трон «дщерь Петрову Елизавет». Однако до Тихого океана волны смены монархов докатывались медленно.

Ещё 14 мая 1742 года Мартын Шпанберг, плававший в Тихом океане одновременно с судами Беринга во главе отдельного отряда, направлял инструкцию мичману Шельтингу, ссылаясь на указ **Его** Императорского Величества – т. е. Иоанна VI, и на «имянной блаженныя и вечнодостойныя памяти **Ея** и.в. (т. е. Анны Иоанновны. – С.К.) из Верхняго тайного кабинета указ, писанный апреля от 14 дня 1740 году». А в Петербурге уже почти полгода именные указы подписывала «Ея» Императорское Величество государыня Елизавета Петровна...

Но так ли уж это было важно?! Русское дело на Тихом океане, начатое ещё до Петра, Петром сильно поддержанное и продвинутое, продолжалось и после Петра – даже во времена беспутной Екатерины I, ничтожного Петра II, чужеродных России Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны... Оно, это русское дело, продвигалось не столько «имянными» указами, сколько объективной потребностью России в развитии на тихоокеанском Востоке.

Да и сами указы монархи лишь подписывали, а готовили-то их в «тайном кабинете», в Адмиралтейств-коллегии русские компетентные люди – порождение новой петровской России. А выполняли эти инструкции тоже русские люди – русские тихоокеанские герои в эполетах и без эполет.

24 августа 1743 года «каманды Камчацкой экспедиции геодезист Михайло Спиридонов сын Гвоздев» бил челом «Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елисавет Петровне, самодержице всероссийской, государыне всемилостивейшей»... Описывая свою нелёгкую и бурную жизнь с 1716 года – когда он был «*определён в службу для науки в Московскую академию*», Гвоздév доводил биографию до начала 1740-х годов, сообщая, что ещё при Анне Иоанновне его коллегам-геодезистам, «*а имянно: Петру Скобельцину, Дмитрею Баскакову, Ивану Свистунову, Василью Шатилову*», были даны «*ранги подпоруческия*», а он-де, Гвоздév, так в прапорщиках и остался.

Гвоздév писал:

«...И я, низжайший раб ваш, в таком отдалённом и беспокойном месте и поныне против вышеописанных своей братьи геодезистов повышением чина не пожалован, о чём и прошлого 740 году в ыюле месяце вашему и.в. я бил челом (собственно, тогда – ещё Анне Иоанновне. – С.К.), а в Государственную адмиралтейскую коллегию чрез почту бывшего капитан-командора Беринга послал я прошение, по которому до сего никакова решения не получил.

И дабы высочайшим вашего и.в. указом повелено было за вышеявленные мои многотрудные службы и дальние посылки пожаловать меня...в ранг подпоруческой, всемилостивейшая государыня, прошу вашего и.в. о сем моем челобитье решение учинить...»

Что интересно – в перечне своих «многотрудных служб и дальних посылок» Гвоздév не упомянул то своё открытие, которое обессмертило его имя, – открытие северо-западного побережья Америки. Увы, с первопроходцами так бывает, Колумб тоже умер, не зная, что открыл именно Америку, а не Ост-Индию.

Звание подпоручика геодезии Михаил Спиридонович Гвоздév получил и по окончании 2-й Камчатской экспедиции продолжал службу в Сибири, с 1744 по 1755 год находился в Томске. В 1755 году переехал с Иркутск, где вместе с Фёдором Ивановичем Соймоновым – с 1757 года сибирским генерал-губернатором – проводил землеустроительные работы. В 1758 году Гвоздév ушёл в отставку, и о дальнейшей его судьбе уже ничего не известно.

Впрочем – только ли о его судьбе?

Относительно же упомянутого выше мичмана Алексея Елизаровича Шельтинга, направлявшегося 14 мая 1742 года Шпанбергом именем уже свергнутого Ивана VI в поход к Сахалину и Курилам, известно, что этот выходец из Голландии был принят в русскую службу в 1730 году, во 2-ю Камчатскую экспедицию зачислен в 1733 году по его личной просьбе. В 1738

году на бриге «Св. Гавриил» перешёл из Охотска на Камчатку, неоднократно плавал к Курилам, доходя до японского острова Хонсю, на дубель-шлюпке «Надежда» достигал Сахалина, а в 1744 году вернулся в Петербург. В 1760 году в чине капитана 2-го ранга Шельтинг принимал участие в Кольбергской операции против пруссаков и умер контр-адмиралом русской службы. На северном берегу Охотского моря есть залив Шельтинга, а на восточном берегу Сахалина – мыс его имени. Русского имени на карте русских земель.

Герой же двух Камчатских тихоокеанских экспедиций Алексей Чириков в 1746 году вернулся из Восточной Сибири в Петербург, в 1747 году был произведён в капитан-командоры, а в 1748 году умер в Москве – всего-то в сорок пять лет!

НАДО СКАЗАТЬ, что, хотя имя Чирикова – в отличие от имени Беринга – сегодня в России почти неизвестно, Алексей Ильич Чириков (1703–1748) заслуживает самого глубокого уважения потомков и самой громкой славы. Двенадцати лет – в 1715 году он поступил в учреждённую Петром Московскую навигацкую школу, а в 1716 году был направлен гардемаринном в Петербургскую морскую академию, которую успешно закончил в 1721 году. Произведённый в унтер-лейтенанты (подпоручики) в 1722 году Чириков был назначен преподавателем навигации в Академии, а с 1725 года в чине лейтенанта становится помощником начальника 1-й Камчатской экспедиции Витуса Беринга. Причём кандидатура «подпоручика» Чирикова рассматривалась в таком качестве ещё Петром в декабре 1724 года.

С этого времени вся недолгая, но насыщенная многотрудными делами, открытиями и подвигами жизнь Алексея Чирикова оказывается связанной с русскими исследованиями северных пространств Тихого океана, его берегов и островов. Причём Чириков смотрел и на дело Камчатских экспедиций, и на проблему освоения русскими тихоокеанской зоны как подлинно государственный ум. С его огромным опытом и научными знаниями он мог бы сделать для дела Русской Америки очень много, однако умер до обидного рано, надорвавшись в своих трудах.

Но кто был повинен в том, что русские тихоокеанские открытия в эпоху Анны Иоанновны и её фаворита Бирона давались России такой дорогой ценой, оплаченной не только русским потом, но и русской кровью? Кто-то ведь в этом был повинен – и не только из-за расейского разгильдяйства и равнодушия, но и по намеренному злему умыслу...

И этот злой умысел против Российского государства явно имел место – как внутренний, шкурный, так и внешний, коварный... Вскоре после смерти Анны Иоанновны и воцарения новой русской монархини ей – «Всепресветлейшей, державнейшей, великой государыне императрице Елизавете Петровне, самодержице всероссийской, государыне всемилостивейшей» – был «всепопданнейше» преподнесён «краткой экстракт для объявления интереса о разорении от Беринга с товарищи самого лутчаго Сибирского края». В этом экстракте (без даты, но составленном не позднее сентября 1743 года) сообщалось, в частности:

«А в какую сумму оная экспедиция стала, того, хотя точно ныне знать и невозможно, однако ж за истинну возможно принять, что не меньше полутора миллиона рублей, потому: понеже чрез десять лет отправлялося из одной Иркутской губернии по сороку тысяч рублей денег, да по штидесят тысяч пуд провианта, которой до Охоцкого всякой пуд в поставке по два рубли стоит, отчего как Якуцкой провинции якуты, так и пашенные крестьяне Иркутской губернии великие тягости и до ныне претерпевать принуждены...»

Сей «всепопданнейший» «экстракт» оказывался документом, любопытным двояко, и на нём надо остановиться подробнее...

Камчатская экспедиция Беринга была крупнейшим государственным проектом и длилась с перерывами почти двадцать лет. Состоявшая вначале из приблизительно 300 человек, к концу она насчитывала до 2000 участников, включая группы перевозчиков грузов по рекам

Алдану, Мае, Юдоме и Ураку, артели плотников и т. д. Кроме того, на нужды экспедиции работало – как о том сказано и в «экстракте», русское и нерусское население Сибири.

И при всём этом материальное положение и быт непосредственно тех, кто являлся объектом всех забот и «тягостей», то есть прямых участников экспедиции, были более чем неблестящими. Процент заболеваний и смертности даже среди офицерского состава экспедиции и смерть самого Беринга не в штормах, а от тягот наземной зимовки говорят сами за себя.

Поэтому безымянный недатированный «экстракт» был, собственно, провокационным доносом, имеющим целью опорочить в глазах Елизаветы результаты Камчатских экспедиций и *государственный потенциал их открытий*. С другой стороны, в этом, крайне одностороннем, «экстракте» явно усматривается и ещё одна – менее отрицательно масштабная, но не менее подлая – цель: списать на расходы по экспедиции Беринга многолетние злоупотребления и казнокрадство как местных, так и, прежде всего, столичных чинов и сановников Анны Иоанновны. . . В том числе – в учреждённом 18 октября 1731 года аннинском Кабинете министров и в Адмиралтейств-коллегии.

Здесь не место анализировать взаимные интриги и обвинения в финансовых махинациях аннинских сановников Артемия Волынского, Фёдора Соймонова, графа Николая Головина, графа «Андрея» Остермана и т. д. Однако указать на них не мешает, отметив, что сами не всегда чистые на руку Волынский и Соймонов выпустили даже сатирический памфлет на деятельность гр. Николая Фёдоровича Головина (1695–1745) – главы Адмиралтейств-коллегии и сторонника экспедиции Беринга, но одновременно – и сторонника Остермана. В то же время в 1739–1740 годах группировка Волынского – Соймонова подготавливала решительный удар группировке Остермана – Головина в виде плана замены выходца из Дании Витуса Ионсенна Беринга другим выходцем из Дании – Мартыном Шпанбергом.

Волынского обычно подают как национально настроенную фигуру, но тогда для него и для опытного морского офицера Соймонова было бы логичным выдвижение кандидатуры энергичного Чирикова. Но, вот же, они почему-то ставили на бездеятельного Шпанберга. Особенно это удивительно для Соймонова – фигуры в целом вполне привлекательной, о чём позднее будет сказано.

При этом имелась ещё и третья, так сказать, «сторона медали» – внешнеполитическая. В записках маркиза Иоахима-Жака Тротти де ла Шетарди (1705–1758), бывшего послом Франции в Петербурге в 1739–1742 и в 1743–1744 годах, имеется следующее злое замечание: *«Цель русского двора – по отзыву француза Лалли – бросать пыль в глаза Европе. Нет такого необыкновенного и дорогого проекта, который, быв предложен русскому двору, не был бы принят, так, например, проект о торговле с Японией через Камчатку, проект об открытии новых земель в Америке, проект о ведении торговли с бухарцами и монголами, проект о сделании петербургского порта судоходным, проект о соединении Волги с Доном... Цель двора достигнута, если в Европе говорят, что Россия богата: «посмотрите, какие чрезвычайные расходы делает Россия»...»*

В словах Шетарди сквозили раздражение и зависть одновременно. Даже при технических и коммуникационных возможностях того времени в упомянутых французским послом проектах не было ничего фантастического и «необыкновенного» при адекватном и вполне посильном для России финансировании – посильном, конечно же, в том случае, если бы силы державы и народа расходовались на дело, а не на придворные увеселения и прихоти сановной сволочи.

Но все подобные российские проекты, включая дальневосточные и тихоокеанские, при их реализации усиливали Россию в реальном масштабе времени, а особенно – в перспективе, и поэтому Европой одобряться никак не могли. А вот противодействовать им по мере возможностей Европа была не прочь, и возможностей на сей счёт у внешних врагов России в аннинском Петербурге хватало.

К тому же злой гений тогдашней России – Эрнст Иоганн Бирон (1690–1772) в 1738 году при содействии Анны Иоанновны был избран герцогом Курляндским, но предпочитал управлять Курляндией (как и Россией) из русской столицы. Кто и из каких столиц управлял при этом самим Бироном – об этом писаная история России и Европы умалчивает.

После смерти Анны Иоанновны и свержения мимолётного малолетнего «императора» Ивана VI в результате переворота в пользу Елизаветы Петровны в Петербурге, даже после всех отставок, ссылок и опал, сохранились, конечно же, те силы, которые в XX веке назовут «пятой колонной». И уж тем более в Петербурге продолжали действовать против русского дела как легальные силы – в виде иностранных посольств, так и нелегальные – в виде высокопоставленной агентуры этих посольств, то есть тех, кого в XX веке назовут «агентами влияния».

Внесли ли внешние силы свой вклад в инициирование и составление направленного против Беринга «экстракта», представленного Елизавете, не скажет сегодня никто. Но предположить их участие в этом мы вполне имеем и право, и основания. Ведь ещё толком не открытая, ещё лишь будущая Русская Америка заранее обеспечивала головную боль элите не только Парижа, но и Вены, Лондона, Амстердама, Мадрида...

ГОВОРЯ о подступах к Русской Америке, никогда нельзя забывать о Сибири – она десятилетиями была той системной, материальной и кадровой базой, на которую опирались российские американские колонии. А говоря о Сибири, нам надо вспомнить и Фёдора Ивановича Соймонова (1692–1780). В конце карьеры – генерал-майор и вице-президент Адмиралтейств-коллегии, он начинал как гидрограф и картограф, описывал Каспийское море, в 1727 году был переведён на Балтийский флот, в 1731 году издал лоцию Каспия, а в 1734 году – лоцию Балтийского моря. Соймонов (Сойманов) находился в союзе с Артемием Волынским, в 1740 году был вместе с ним обвинён в заговоре против фаворита Анны Бирона и сослан на каторгу. Попад в Сибирь как каторжник, с воцарением Елизаветы Соймонов был освобождён, возглавлял Нерчинскую экспедицию, а с 1757 по 1763 год занимал пост сибирского губернатора. В последнем качестве Соймонов организовал несколько исследовательских экспедиций, результатом которых стало открытие ряда островов в Северном Ледовитом и Тихом океанах.

Соймонов поддерживал любую разумную инициативу. Так, в его губернаторство московский купец Иван Никифоров снарядил судно «Святой Иулиан» (передовщик – яренский посадский Степан Глотов), на котором в плавании 1758–1762 годов были открыты острова Умнак и Уналашка. В 1760 году селенгинский купец Андреян Толстых привёл в русское подданство шесть Алеутских островов. И это – далеко не полный перечень имён, маршрутов и открытий «соймоновского периода» истории освоения русскими северной части Тихого океана.

На посту сибирского губернатора Соймонова сменил в 1763 году – до 1781 года – генерал-майор Денис Иванович Чичерин (1720–1785).

Полезным и активным помощником Фёдора Ивановича Соймонова был его сын – полковник Михаил Фёдорович Соймонов (1730–1804), кроме прочего бывший после отца и начальником Нерчинской экспедиции. 13 июня 1763 года обоих перевели по указу Екатерины II в Московскую сенатскую контору для «присутствия по всем делам, которые касаются Сибирской губернии» и «исправления оных». Михаил Соймонов стал одним из организаторов горного дела в России, в 1773 году основал Горное училище (Ленинградский горный институт) и был первым его директором. Был он на своём месте и позднее, возглавив Берг-коллегию. Оба Соймоновых – и отец, и сын – удостоились благожелательных статей о них во 2-м, «сталинском», издании Большой советской энциклопедии (БСЭ).

С деятельностью Соймонова в Сибири связано и имя Фёдора Христиановича Плениснера (?–1778), о котором тоже есть статья во 2-й БСЭ (зато в Большой русской энциклопедии 2014 года о нём нет ни слова).

В 1741 году Плениснер участвовал в плавании капитан-командора Витуса Беринга к берегам Северо-Западной Америки в ходе 2-й Камчатской экспедиции. 7 декабря 1741 года капитаном Алексеем Чириковым был составлен «Список служителей пакетбота «Св. Петра», которые ныне в вояже». Открывал список «капитан-командор Витес Беринг», затем следовали офицеры, «кананеры» (артиллеристы), «матрозы», солдаты, мастеровые – всего 68 человек.

А далее Чириков писал: *«Да сверх вышеписанных 68 человек еще имеются з 2-ном капитаном-командором Берингом на пакетботе «Св. Петре» в вояже, о которых в преждепосланном от меня при репорте списке не показано, а имянно: Академии наук адъютнт Георг Вильгельм Штеллер (Стеллер, известный натуралист. – С.К.), да с ним Большерецкого острога казначей Фома Лепихин, да взятой от Охоцкого правления капрал Фридрик Плениснер. Итого три человека. Всего по сему списку всех чинов служителей 71 человек».*

Так на страницах писаной истории появилось имя «живописца» Плениснера (Пленистера) – пока ещё капрала. А при Соймонове бывший скромный рисовальщик был назначен в Охотск с поручением состоять в Анадырской экспедиции. С 1761 по 1766 год Плениснер был правителем Анадырского округа и главным командиром Анадырского острога. В 1763 году он снаряжал казака из чукчей Николая Дауркина в поход для исследования и описания Чукотки.

По инициативе Плениснера предпринималось и собирание известий об Америке и островах Тихого океана. С 1766 по 1772 год полковник Плениснер правил Охотским и Камчатским округами и был главным командиром Охотского порта, организовав, по распоряжению Соймонова, осмотр Курильских островов. Это дело было поручено тойонам (родовым старейшинам у якут) и толмачам (переводчикам) Н. Чикину и Н. Чупрову вместе с казачьим сотником Черных.

Чикин, дойдя до острова Симушира, умер, а Черных и Чупров три года (!) – с 1766 по 1769 год путешествовали по островам, дойдя к югу до 19-го Курильского острова и ведя в пути журнал путешествия. Уже по возвращении Черных был вызван в Иркутск для пояснений по журналу, но умер там от чёрной оспы. Скромное подвижничество, где наградой за лишения нередко оказывалась только смерть, было для разворачивающейся русской тихоокеанской эпопеи нормой.

Впрочем, мы очень уж удалились в последнюю треть XVIII века, не обзрев, хотя бы кратко, петровского и раннего послепетровского начала той давней и трудной, но славной и величественной в своей безыскусности истории.

ПОРА, пора, да и к месту рассказать о русских первооткрывателях Русской Америки и северных тихоокеанских её «окрестностей». Одновременно это будет продолжением рассказа о приоритетах.

Впрочем, вначале – небольшое вводное отступление...

Петровскую эпоху я бы не стал определять как эпоху открытий. Она сама – вся открытие, ибо лишь с неё начинается соединение русской смётки и отваги с европейским знанием. И одним из главных достижений этой эпохи следует считать новый массовый тип русского человека, созданного волей и гением Петра. Деятельные русские люди в Сибири и на Дальнем Востоке были не в диковинку – других там отроду не бывало. А вот *образованные* деятельные русские люди...

Такие пришли в глухие восточные места впервые.

Первые петровские геодезисты и начали огромную работу по уже научной съёмке территории Восточной России. А также – по освоению морских пространств Восточного, Тихого океана, которые тоже надо было обойти на утлых судах в вёдро и в ненастье. Обойти, изучить и положить на карты.

Пётр Чичагов, Алексей Кушелев, Михаил Зиновьев, Пётр Скобельцин, Пётр Чаплин, Василий Шетилов, Иван Свистунов, Дмитрий Баскаков, Иван Евреинов, Фёдор Лужин...

Все – молодые ребята.
Все имена – русские.
И все – петровские питомцы.

Два последних из этого списка в июне 1721 года впервые достигли центральной группы Курильских островов до Симушира включительно и 14 из них нанесли на карту. В конце 1722 года Евреинов в Казани лично представил царю-труженику сводную карту Сибири, Камчатки и части Курильских островов. Это было почти три сотни лет назад!

На Дальний Восток их послал непосредственно Пётр, приказавший, чтобы геодезисты Иван Михайлов Евреинов и Фёдор Фёдоров Лужин досрочно сдали экзамен за полный курс Морской академии, в которой они обучались, и во главе отряда из двадцати человек отправились на выполнение дальнего секретного задания. Кормщиком у них был архангельский помор Кондратий Мошков, посланный по распоряжению опять же Петра из Архангельска в Охотск... Позднее Мошков плавал с Берингом и Чириковым, а в 1732 году вместе с Фёдоровым и Гвоздём достиг северо-западного «носа» Америки.

Маршрут Евреинову и Лужину определил сам царь в своей инструкции от 2 января 1719 года: *«Ехать вам до Тобольска и от Тобольска, взяв провозятых, ехать до Камчатки и далее, куда вам указано, и описать тамошние места, где сошлася ли Америка с Азией, что надлежит zelo тщательно сделать не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить...»*

Это было ещё до появления на дальних берегах регулярных экспедиций. А в 60–70-е годы XVIII века русские люди на Курилах бывали уже как в месте, неплохо им знакомом. Сотник Иван Черных с отрядом побывал на девятнадцати островах, в 1767 году зимовал на Симушире, в 1768-м – на Урупее... Иркутский посадский Дмитрий Яковлевич Шебалин после гибели его бригаантины во время сильнейшего землетрясения на Урупее пробыл там два года и лишь потом на байдарках со своими спутниками добрался до Камчатки.

1-я Камчатская экспедиция была задумана Петром в конце 1724 года – незадолго до смерти. Причём есть основания предполагать, что Пётр о проливном разрыве между Азией и Америкой знал или – по крайней мере – догадывался. Так или иначе, в соответствии с инструкциями уже скончавшегося царя в 1725 году начинается первая русская научная морская экспедиция Беринга. Известные нам лейтенанты Алексей Ильич Чириков и Мартын Петрович Шпанберг были у Беринга помощниками. Чириков оказался на высоте, Шпанберг – не очень.

Уже во 2-й экспедиции Беринга Шпанберг, возглавив её после смерти Беринга в 1741 году, прервал экспедицию и в 1745 году за самовольное возвращение в Петербург был предан суду и приговорён к смертной казни. Такое жёсткое решение, возможно, объяснялось тем, что отправляли Беринга во 2-ю Камчатскую экспедицию при Анне Иоанновне, а вернулся Шпанберг уже в Петербург Елизаветы Петровны. Впрочем, Шпанберг был помилован с разжалованием в поручики.

В 1749 году он опять попал под суд за крушение корабля, которым командовал, и за гибель 28 человек экипажа, но был оправдан. В 1751 году – за десять лет до смерти – его произвели в капитаны 1-го ранга. Но Шпанберг в этой книге должен быть упомянут уже потому, что его отдельный отряд прошёл северным путём от Камчатки к Японии и проследил всю Курильскую гряду от Камчатского Носа до японского Хоккайдо. И было это в 1739 году.

Дух Петровской эпохи на паркете петербургских гостиных выветрился, наступила мрачная пора бироновщины... Но дух Петра жил в этих весёлых и крепких ребятах – заросших бородами, пропахших табачищем, противощинной черемшой и противокручинной водкой...

Алексей Чириков позднее ходил и далеко к востоку, добираясь в 1741 году до залива Аляска. Его отчёт в Адмиралтейств-коллегию о плавании в этих местах стал первым в истории описанием северо-западных берегов Америки. А первую исторически доказанную зимовку

русских на Аляскинском полуострове провёл на его юго-западном берегу зимой 1760/61 года промышленник-мореход Гавриил Пушкарев.

Эти ребята (тоже ведь – птенцы гнезда Петрова!) не только шли по океанским волнам на лёгких судах, но ещё и изобретали! Мартын Шпанберг был человеком без полёта фантазии, подозрительным и завистливым, и помощник Шпанберга штурман Петров имел у него репутацию горького пьяницы. А вот же Петров «сочинял навигацию» и придумывал новый инструмент для определения долготы на море. Инструмент у Петрова вышел «неудачный». Однако удачным был его новый взгляд на мир и на себя, русского, в этом мире. Это был исторически перспективный взгляд – совершенно иной, чем у терпеливо-выносливых, упорных, но таких невежественных предшественников штурмана Петрова.

А. Покровский, автор вступительной статьи «В. Беринг и его экспедиция (1725–1743 гг.)» к сборнику документов «Экспедиция Беринга», изданного бериевским Главным Архивным управлением НКВД СССР в 1941 году, писал о новых людях Петровской эпохи – участниках экспедиции Беринга так:

«...сама идея... экспедиции, как известно, принадлежала Петру I. Непосредственные исполнители этих заданий преобразователя России, – Беринг, Чириков, Шпанберг, Овцын, а также... целый ряд рядовых сотрудников, адмиралтейских служителей, насколько нам известны отрывочные факты из их биографии, – принадлежат к числу современников Петра; они прошли его школу, они жили духом того времени, хорошо знали, – или, вернее, чувствовали те принципы, которые тогда господствовали среди лучших представителей русской общественности. Их продвижение в Сибирь обозначало перенос на окраины Русского государства господствовавших тогда в центре понятий, представлений, а также начал культуры, техники, научного знания».

В отряде Шпанберга был и геодезист Михаил Гвоздév. Он уже был упомянут ранее, а сейчас мы вернёмся к нему, а заодно и к вопросу о приоритетах.

Между 1-й и 2-й экспедициями Беринга, 23 июля 1732 года, от берегов Камчатки отошёл много повидавший бот «Св. Гавриил». За четыре года до этого на нём плавал сам Беринг. Теперь плаванием руководил Гвоздév, а штурманом был Иван Фёдоров. С ними было на борту ещё 37 человек.

Гвоздév и Фёдоров пришли на Охотское море с экспедицией якутского казачьего головы Афанасия Федотовича Шестакова. Сибирский казак в 1725 году (между 18 и 20 июля) добрался из Якутска до столицы и обратился к главному командиру Кронштадта вице-адмиралу П.И. Сиверсу, который рекомендовал Шестакова Александру Даниловичу Меншикову. Рассказы сибиряка обратили на себя внимание в Сенате, который 18 января 1727 года обратился к вдове Петра – Екатерине I с «доношением» об организации экспедиции под руководством Шестакова для поиска и освоения новых земель. Затем проект дошёл и до высшего тогда государственного учреждения – Верховного тайного совета. 1 февраля 1727 года в Совете «разсуждали, по доношению Сената, о посылке в Сибирь для обыскания новых земель казачьего голову Шестакова», а 23 марта 1727 года состоялся указ Сената о назначении Шестакова начальником отдельной от Беринга экспедиции, ставшей известной как экспедиция Шестакова – Павлуцкого.

В состав экспедиции было назначено 400 казаков во главе с капитаном Тобольского драгунского полка Д.И. Павлуцким, рудознатец, пробирных дел мастер Симон Гардеболь, несколько геодезистов из Томска, сын Шестакова Василий и племянник Шестакова. Морскую часть экспедиции организовывала Адмиралтейств-коллегия в составе: штурман Яков Генс, подштурман Иван Фёдоров, геодезист Михаил Спиридонович Гвоздév, мореходы А.Я. Буш,

И. Бутин, Кондратий Мошков, Никифор Треска, ботовых дел подмастерье И.Г. Спешнев и 10 матросов.

Замечу, что Никифор (Никита) Треска (Тряска) в 1716–1717 годах участвовал в экспедиции «служилого человека» Кузьмы Соколова, положившей начало русскому судоходству по «Ламскому» (Охотскому) морю, а в 1718–1719 годах был в составе так называемого «Большого Камчатского наряда» – правительственной экспедиции, обследовавшей Шантарские острова. Позднее Треска плавал к Курилам, а в 1738–1739 годах его как опытного кормчего привлекли к экспедиции Шпанберга, плававшей из Охотска в Японию, но не сумевшей установить с японцами отношений.

Был опытным мореходом и ходивший ещё с Евреиновым и Лужиным помор Кондратий Мошков.

Итак, назначенный в июне 1727 года главным командиром Северо-Восточного края, Шестаков прибыл с штурманом Яковом Генсом как для новых открытий в Тихом океане («отыскания новых земель и островов»), так и – прежде всего – для «усмирения немирных чукчей» и сбора пушного ясака с местного населения. Уж не знаю, насколько последнее дело шло у Шестакова успешно, но был он, похоже, крут, потому что, как сообщает блестящий коллективный труд 1953 года «Русские мореплаватели», был убит 14 марта 1730 года в Пенжинской губе «во время зимнего завоевательного похода».

Шестаков ходил в земли чукчей на построенном им боте «Восточный Гавриил». А ещё раньше, в сентябре 1728 года, Тобольская губернская канцелярия в лице князя Михаила Долгорукова направила в помощь Афанасию Шестакову в его «разборках» с аборигенами Русского Севера помянутого выше капитана Дмитрия Павлуцкого.

Последний в порядке Якову Генсу, Ивану Фёдорову, Ивану Спешневу (ботовому подмастерью, присланному по указу Верховного тайного совета из Казани) и Михаилу Гвоздёву писал 26 апреля 1730 года: *«По ея императорского величества указу и по определению посланной партии посланы вы со служилыми людьми в Охоцкий острог к казачью голове Афанасью Шестакову, а сего апреля 25 дня через посланное ведение из Анадырского острогу от подпрапорщика Василья Макарова ко мне в Нижнем Ковымском зимовье объявлено, что помянутой голова Шестаков со служилыми людьми от немирных чюкоч побит до смерти.*

Того ради по получении сего ордера в Охоцком остроге взять вам, ежели имеетца, оставшееся судно от капитана Беринга и на том судне из Охоцка идти со служилыми людьми на Камчатку, а с Камчатки морем быть к нам в Анадырский острог в немедленном времени ...»

Шестаков успел построить два судна – «Восточный Гавриил» и «Лев», да два бота он получил от Беринга (в том числе и «Св. Гавриил», а также бот «Фортуна»). Теперь за главного остался Генс, но летом 1732 года из-за тяжёлой болезни он передал командование «Гавриилом» Фёдорову (в октябре 1737 года Генс, состоя при 2-й Камчатской экспедиции Беринга, умер в Тобольске).

Фёдоров сам уже был болен цингой (в феврале 1733 года он умер). Но имя своё Иван успел обессмертить, хотя и был снесён на бот «против воли». 15 августа 1732 года «Гавриил» вошёл в Берингов пролив, а 21 августа с попутным ветром он подошёл к «Большой земле»... Гвоздév на ней высадился, осмотрел и собрал все материалы, нужные для того, чтобы позднее положить эти берега на карту.

В уже цитированной вступительной статье А. Покровского к сборнику документов «Экспедиция Беринга» отмечалось:

«...подлинные донесения И. Фёдорова и М. Гвоздёва не сохранились или до сих пор не разысканы. Сохранились только более поздние показания по этому поводу М. Гвоздёва. Нам сейчас не известно в точности, по какому поводу и с какой целью Шпанберг в 1743 г., когда уже Беринга не было в живых, снял допрос с Гвоздёва об его путешествии 1732 г. Эти

показания Гвоздѣва сохранились и известны нам, к сожалению без конца. Это – единственный пока документ, где рассказывается о самом путешествии 1732 года».

В 1743 году М.П. Шпанберг, как старший по чину, заменил умершего Беринга в должности начальника всей 2-й Камчатской экспедиции. И сегодня известно, что поводом для снятия 20 апреля 1743 года «Промемории канцелярии Охоцкого порта» для Шпанберга о плавании М.С. Гвоздѣва и И. Фѣдорова на боте «Св. Гавриил» к берегам Америки стало «объявление» об этом плавании ссыльного Ильи Скурихина, участника плавания.

Но, так или иначе, труды Гвоздѣва и его сотоварищей были востребованы уже в реальном масштабе времени. Чириков имел в своём распоряжении карту той части американского берега, где был Гвоздѣв, и в описи сводной карты, которая была составлена по приказанию Чирикова и куда были занесены все использованные карты, значится: «земля, положенная против Чукотского восточного угла к востоку, лежащая от 65° N ширины (широты. – С.К.), положена с карты геодезиста Гвоздѣва».

СЕГОДНЯ крайняя на запад земля Америки называется мысом Принца Уэльского. Назвал её так знаменитый английский мореплаватель капитан Кук. И назвал 9 августа 1778 года. В своём последнем – третьем плавании Кук добирался и до Берингова пролива. Причём на карте северного плавания Кука, выпущенной тогда же в Лондоне, крупными буквами обозначено – Bhering Strait.

Кук, а чуть позднее – заменивший его после его гибели Чарльз Кларк заходили и существенно севернее – за пролив. Места эти были тогда изучены плохо, и где-то Кук на своём «Резолюшн» побывал первым. По праву первопроходца он мог, конечно же, нарекать открытые им земли так, как считал нужным. Но – лишь открытые им, а не посещённые им...

Кук был в тех же местах, что и Иван Фѣдоров с Михаилом Гвоздѣвым и Кондратием Мошковым, через пятьдесят шесть лет после них. И, что самое существенное, знал об этом. В своём плавании в тех водах Кук пользовался в числе других картой беринговского мичмана Петра Чаплина, описаниями ломоносовского любимца Степана Крашенинникова, а также картой академика Петербургской академии наук Герарда Фридриха Миллера, ранее уже упомянутого. Обзорная работа Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с российской стороны учинённых» была впервые напечатана в Петербурге в 1758 году на русском и немецком языках. В 1761 году она была переведена на английский язык и издана в Лондоне. Была там и карта, в правом верхнем углу которой в виньете-картуше значилось: «A Map of The DISCOVERIES by the RUSSIANS of the North West Coast of AMERICA. Published by the Royal Academy of Science at Peterburg» («Карта исследования русскими северо-западного берега Америки. Издана императорской Академией наук в Петербурге»).

Со стороны Азии, то есть России, карта Миллера уже сильно напоминает современную, а вот со стороны Америки всё намного более предположительно – что вполне объяснимо. Но там, где мы привыкли видеть мыс имени английского наследного принца, на английском издании карты Миллера чёткими (правда, не русскими, а английскими же) буквами написано: «Coast Discovered by surveyor Gvozdev in 1730», то есть: «Берег, открытый геодезистом Гвоздѣвым в 1730 году».

А в тексте обзора Миллера прямо сообщалось: «Ведомо, что геодезист Гвоздѣв в 1730 году между 65-м и 66-м градусами северной широты в малом расстоянии от Чукоцкой земли был на берегу чужестранной земли да нашёл там людей».

Со времён Беринга, Чирикова, Гвоздѣва и начало входить в сознание русских людей понятие «Русская Америка».

Миллер был несколько неточен лишь в дате – Гвоздѣв открыл северо-западный берег Америки не в 1730, а в 1732 году. Но координаты были указаны точно. Кук в своём дневнике

9 августа пометил: «*Мыс, который я назвал мысом Принца Уэльского, весьма примечателен тем, что он является западной оконечностью всей до сих пор известной части Америки. Он лежит в широте 65°46' N и в долготе 191°45' O*». Но англичанин видел эту землю в августе 1778 года, а русские – в августе 1732 года. При этом Кук книгу с картой Миллера (собственно – Гвоздёва) имел.

В царской России имена Гвоздёва и Фёдорова помнили, но скупо – ведь русские мореходы открыли ту Америку, которую потом «русские» цари продали. В сталинской России эти два первооткрывателя удостоились отдельных статей о них во 2-м издании даже *Большой советской энциклопедии*. Зато в «брежневской» Советской *исторической энциклопедии* 1960-х годов их имён уже не было. В энциклопедическом же словаре «История Отечества», изданном издательством «Большая Российская Энциклопедия» в «путинском» 2003 году, в сводной хронологии не указан даже факт открытия Гвоздёва и Фёдорова, не говоря уж о сведениях о них самих. Такая вот историческая (или всё же – антиисторическая?) динамика...

Не кичливы русские, не заносчивы. Это – хорошо. Но вот ещё бы нам простоты поменьше. Той, что, может быть, и не хуже воровства, но очень уж способствует воровству у нас.

Воровству приоритетов, трудов, славы.

А, в конечном счёте, и – земель.

И – исторической судьбы...

Хорошо, нашёлся в XVIII веке честный немец Пётр Симон Паллас, вступившийся за честь России – своей второй родины. В 1781 году он прямо и публично заявил, что Кук грубо нарушил научную этику и наименовал оконечность американского материка неправомочно. Что ж, как видим, своего рода борьба с низкопоклонством перед Западом началась в России далеко не в сталинские 40-е годы XX века.

Паллас возмутился, конечно, законно. Да уж поздно было... Да и чёрта ли нам в том названии, если через сто лет мы не приоритет потеряли, а и саму Русскую Америку?

Вместе с мысом Принца Уэльского...

На этом не пошедшую нам впрок «науку» с Куком можно было бы и отставить в сторону, но вот попался мне в руки энциклопедический словарь уже «Всемирная история», изданный во всё том же 2003 году всё тем же научным (!) издательством «Большая Российская Энциклопедия». И из статьи о Джеймсе Куке на странице 443 я с удивлением и злостью узнал: среди прочих несомненных заслуг Кука это научное издательство числит и ту, что Кук-де окончательно доказал наличие пролива между Азией и Америкой.

Эх, Пётр Симон Паллас, где ты?

РОДИНА Джеймса Кука ко времени его третьего кругосветного плавания была могучей морской державой. Её адмирал (и, по совместительству, – пират) Фрэнсис Дрейк совершил первое английское (и второе в мире после Магеллана) кругосветное плавание за двести лет до Кука, в 1577–1580 годах. В 1579 году Дрейк достиг зоны 45-го градуса северной широты у берегов, тогда ещё не называемых калифорнийскими, и наименовал их Новый Альбион. А теперь – в 1776 году Кук уходил с задачей подняться много севернее Дрейка.

«Секретная инструкция капитану Джеймсу Куку, командиру шлюпа Его Величества «Резолюшн», подписанная первым лордом Адмиралтейства Сандвичем, графом Монтегю, лордом Адмиралтейства Чарльзом Спенсером и адмиралом Хью Паллисером, начиналась словами: «*Поскольку граф Сандвич передал нам пожелание Его Величества о необходимости поисков Северного морского прохода из Тихого океана в Атлантический...*». И эта вводная фраза вроде бы определяла весь смысл предстоящего предприятия, далее конкретизированный ещё более: «*поиски Северо-Восточного или Северо-Западного прохода, ведущего из Тихого океана в Атлантический или в Северное море*».

Итак, официально основной задачей Кука был поиск одного из двух предполагаемых морских северных проходов в Европу. И вышло, что всё остальное в третьем плавании Кука было лишь попутно, включая открытые им тихоокеанские острова вкуче с поименованными по первому лорду Адмиралтейства островами Сандвичевыми (Сэндвичевыми) – позднее они будут названы Гавайскими. О последних у нас будет речь в своём месте...

Тем не менее инструкция также предписывала Куку, выйдя к Новому Альбиону, проследовать до 65-го градуса и *«тщательнейшим (жирный курсив мой. – С.К.) образом заняться поисками тех рек или проливов (и их обследованием), которые в той или иной мере могут вести к Гудзонову или Баффинову заливу»*.

Простой взгляд на карту показывает, что эта часть инструкции была составлена вроде бы в духе основной заявленной цели экспедиции – поисков Северного прохода в Атлантический океан или в его окраинное Северное море между Великобританией и Скандинавским полуостровом.

Гудзонов залив – это огромная (до тысячи километров в поперечнике) водная чаша внутри Канады, по сути – внутреннее море в Северной Америке со стороны Атлантического океана, соединяющееся с последним Гудзоновым же проливом. Логично было предположить, что в этот залив-море можно пройти с запада Америки по рекам и озерам. А Баффиново море – тоже атлантическое полярное море между Канадой и Гренландией.

Эти места англичанам были неплохо знакомы, но точное знание накладывалось на ходившие между мореплавателями легенды о некоем Американском Средиземном море (очевидно, питаемые наличием реального Гудзонова залива и реальных Великих озёр). Так что инструкция Куку в её «гудзоновской» части вроде бы не противоречила цели поиска межокеанского прохода.

Однако если посмотреть на маршрут Кука, то мы увидим, что Кук шёл-то путём вроде бы и «инструктивным», но *тщательно* ничего в среднеширотной зоне не исследовал. Хотя, например, река Колумбия (сейчас это граница штатов Вашингтон и Орегон) должна была бы его заинтересовать, как и пролив Хуан-де-Фука между островом Ванкувер и полуостровом Олимпия... Да и ряд других узких заливов и проливов – тоже. (Всё это чуть позднее действительно тщательно исследовал англичанин Ванкувер.)

Казалось бы – впервые забравшись в такую даль, грешно не провести какие-то съёмки и в указанной выше зоне, хотя бы как исходный материал для следующих экспедиций. Тот же Ванкувер ушёл в те же места всего через десяток лет после возвращения кораблей Кука в Англию. Но торопившийся Кук стремился явно в другое место!

Куда?

А вот это мы вскоре и увидим!

Инструкция была секретной. Спрашивается – почему? В ней Куку позволялось перезимовать в русском Петропавловске-Камчатском, так что от русских скрывать цели экспедиции было вроде бы незачем. А кто ещё мог встретиться англичанам в пустынных высоких северных широтах?

И всё же инструкция была секретной, и Куку строго предписывалось по окончании плавания *«прежде чем покинуть шлюп, потребовать у офицеров и унтер-офицеров все вахтенные журналы и дневники, которые они могли вести в ходе плавания, и в опечатанном виде доставить эти бумаги нам, а также поставить их и всю команду в известность, что никому не дозволено упоминать, где они были, до тех пор, пока на то не будет дано надлежащего разрешения»*.

Инструкция была секретной, а в таких документах лицемерить нужды нет – они пишутся исключительно для внутреннего употребления. Инструкция была очень подробной (в некоторых местах – даже мелочно подробной). Но тон её при этом был таким, как будто Кук шёл на север в полную неизвестность. А ведь составителям инструкции и самому инструктируемому

было известно, что завесу северных приполярных туманов над водами Тихого океана для Кука уже немного раздёрнули русские мореходы и исследователи. Вот достаточно типичная «алаякинская» запись в дневнике Кука от пятницы, 22 мая – воскресенья, 24 мая 1778 года: «*Мыс расположен в широте 58°15' N и в долготы 207°42' O, и на основании того, что я узнал из отчёта о путешествии Беринга и карты, приложенной к его английскому изданию, это должен быть мыс Св. Гермогена*»... Так один ли «Северный проход» искали англичане?

И искали ли они его на самом деле?

Может, на самом деле они *прежде всего остального* хотели сами убедиться – верно ли, что русские действительно открыли широкий проливный разрыв между русской Чукоткой и Америкой? Ведь если такой разрыв существует, то и русское движение в Америку будет этим очень затруднено.

А если – нет?

А если русские блефуют?

Сами мастера блефа («bluff» и есть по-английски «обман»), англичане вполне могли заподозрить в этом и нас. Мол, а что если русские уверяют всех в наличии пролива между двумя континентами, а сами бодрым шагом уже шагают по суше из Азии в Северо-Западную Америку?

Не это ли и было подлинной *главной* целью экспедиции Кука – разобраться в ситуации на месте? Ведь, выйдя из Тихого океана в Чукотское море Ледовитого океана, ни Кук, ни позже – Кларк, заменивший Кука после его гибели в 1779 году, не двинулись куда-то вдоль американских берегов на восток – как было бы логично поступить в целях поиска Северного прохода... Они очень основательно – туда-сюда, справа налево, слева направо, взад-вперёд – проутюжили всю зону к северу за Беринговым проливом, то есть всю южную часть Чукотского моря.

Они вот уж действительно тщательнейше избородили весь этот морской треугольник, вершиной которого был Берингов пролив, а основанием – граница ледовых полей. Весь – от американского мыса, названного Куком Айс-Кейп (Ледяной мыс), до чукотского мыса, названного Куком же Северным (нынешний мыс Шмидта).

Зачем англичане поступили так, если им действительно был нужен Северный проход? Источники сообщают, что Кларк-де искал проход на север в ледяных полях... Но зачем ему было идти на север? К полюсу он шёл, что ли?

Кук, а потом – Кларк, уже доходили до аляскинского мыса Айс-Кейп. Ну и шли бы вдоль берега к мысу Барроу и дальше. У них, конечно, не хватило бы ни сил, ни запасов, но, в принципе, идя так, они и прошли бы в Англию своим – лишь значительно позже открытым – пресловутым Северным проходом.

И знали ведь Кук и Кларк, что «налево» от Берингова пролива прохода в Атлантический океан не будет. В Атлантику – это «направо». А они раз за разом сворачивали «налево», хотя то направление вело вдоль чисто русских северных берегов – далеко не в Атлантический океан.

Нет, создаётся впечатление, что англичане хотели с максимально возможной достоверностью выяснить – нет ли где азиатско-американского перешейка севернее, *за* Беринговым проливом?

Или – нет ли если не перешейка, то такой вытянутой от России к Америке плотной цепи островов, по которой русские могли бы без особого труда перебираться в Америку – как с камушка на камушек?

Кук и до этого, ещё в молодые годы, выполнял деликатные, секретные поручения британского Адмиралтейства. И не была ли его экспедиция прежде всего акцией дальней стратегической разведки с целью как прояснения общей ситуации в районе возникающей Русской Америки, так и сбора конкретной информации на сей счёт?

К высказанной выше версии о подлинных целях и задачах третьего и последнего плавания Кука подводит не столько формально-исторический (документов-то нет!), сколько логи-

ческий анализ, и мы к этому ещё вернёмся. Что же до экспедиции Кука, то лишь после того, как англичане не нашли ничего похожего на сухопутный русский проход на американский континент, они «любезно» «поделились» полученными ими результатами «заберинговых» исследований 1778 года с русскими. Кук погиб в стычке с жителями Гавайских (Сандвичевых) островов в феврале 1779 года, и капитан ставшего флагманом второго шлюпа экспедиции – «Дискавери» Кларк (Клерк) весной 1779 года во время отдыха в Петропавловске-Камчатском перед своим новым походом на север передал «главному командиру Камчатки» премьер-майору (подполковнику) Бему сводную карту открытий экспедиции.

Честный и энергичный служака, лифляндец Магнус Карл Бем (1727–1806) правил Камчаткой шесть лет, с 1773 по 1779 год. Бем был назначен на свой пост в апреле 1772 года после бунта ссыльного поляка графа Мориса Беньовского (точнее – словака на польской службе) и прибыл в столицу Камчатки Большерецкий острог (Большерецк на южной оконечности Камчатки) с почти неограниченными полномочиями в октябре 1773 года. Приняв Камчатку в пакостном небрежении, он сдал своему преемнику капитану Василию Шмалеву – как раз в 1779 году – наличный капитал в сорок тысяч рублей и всё управление в полном порядке. А в придачу – заведённые им соляные копи, «железный» завод, скотный двор, строгую отчётность по ссудам местным купцам из казённых денег и новую Тагильскую крепостцу... Сам же Бем увёз в далёкую Лифляндию, в Ригу, жестокий ревматизм, потому что в инспекционных походах нередко проходил сотни вёрст пешком в метель и стужу.

Ну мог ли простодушный Бем (хоть и немец, но – русский) не отблагодарить «любезных» англичан? В ответ на жест Кларка он ознакомил его с нашими картами. И англичане ещё перед заключительным своим походом в Арктику получили дополнительную информацию, доказывающую, что нежеланный им перешеек и на русских картах отсутствует. Однако Кларк морские просторы севернее Берингова пролива избородил в 1779 году, тем не менее, основательно, придя к тому же выводу: Азия с Америкой посуху не сходятся. Кларк прошёл до 70° северной широты, но, встретив мощные льды, повернул назад. 11 августа 1779 года на подходе к Петропавловской гавани давно болевший чахоткой Кларк скончался, и тело его было похоронено в Петропавловске. Англичанин получил свои два метра русской земли, и – мир праху его.

Считается, что главным результатом третьей экспедиции Кука стало открытие Сандвичевых (Гавайских) островов. Но не стал ли главным результатом *для Англии* разведывательный вывод о том, что лёгкого пути для русских в Америку нет? И не было ли в секретной инструкции по-настоящему секретным лишь её окончание, процитированное выше? То есть не был ли секретным *сам факт* жёсткого намерения Англии заранее засекретить всю информацию по северной экспедиции Кука и тем скрыть свой интерес именно к Русской Америке?

Ведь первое издание дневников Кука по горячим (с учётом географии экспедиции, может быть, более верным было бы сказать – по «холодным»?) следам в 1783 году оказалось очень уж подчищенным их редактором, виндзорским каноником Дж. Дугласом. Только в 1967 (!) году, почти через двести лет (!) после «дугласовского» издания, в Англии вышло новое издание дневников Кука, вроде бы соответствующее оригиналу. Но не было ли подчищено и оно?

Возвращаясь же ещё раз к секретности инструкции, зададим себе вопрос: «Всегда ли разумно и допустимо даже в секретной инструкции указывать истинную цель деликатного дела?» А вдруг эта инструкция в дальних заморских краях да не в те руки попадёт? Насчёт того, куда и как идти, какие бусы и сколько кому дарить, – насчёт этого можно и нужно написать правду. А вот насчет того – за *чем* идти?

Зачем?

Проще и надёжнее было обозначить как цель «поиск Северного прохода», и – точка! За коей точкой, на самом деле, следовало многозначительное многоточие...

ВЕРСИИ, высказанной выше, в современной научной литературе по теме не найти. Советский переводчик дневников Кука, автор обстоятельной вступительной статьи и комментариев к ним Я.М. Свет – при всей основательности изложения материала – не пошёл дальше традиционных оценок, что для его задач вполне объяснимо и оправданно. Однако присмотреться к третьей экспедиции Кука попристальнее в разрезе её разведывательного аспекта не взял себе за труд вообще ни один, насколько мне известно, историк.

Да и у меня подозрения на сей счёт возникли далеко не сразу... Я ведь – человек русский, значит, в чём-то – неистребимо простодушный, и мне за «коварный Альбион» – традиционный, старый – думать сложно... Но уж очень крепко учит нас сейчас внешний мир, а англосаксы – особенно. И учит так, что волей-неволей начинаешь при необходимости постигать их иезуитскую логику, где место простодушию если и есть, то – фальшивому, напускному, коварному.

Веками внешний мир относился к русским свысока. В каких только несуществующих пороках и грехах нас, русских, не обвиняли и не обвиняют! Зато русские слишком часто боялись и боятся обидеть иностранцев необоснованными подозрениями. А стоит ли бояться? Тем более что исторических оснований для подозрений у нас намного больше, чем у них!

Так что версия о Куке как разведчике Русской Америки не только имеет право на выдвижение, но и просто необходима для обрисовки полной картины политики англосаксов в отношении России на Тихом океане, начиная почти с самого момента его освоения русскими людьми.

Показательно, что лишь вторая – «синяя», «сталинская» – Большая советская энциклопедия (БСЭ) о последнем плавании Кука высказалась с некоторой долей здорового скептицизма и иронии:

«Третья экспедиция К.[ука] (1776–79) была снаряжена для поисков сев. – зап. прохода и для захвата земель в сев. части Тихого ок., «не открытых» другими державами, но фактически известных британскому адмиралтейству. Эти «неоткрытые» земли К. усиленно искал в водах, омывающих зап. берега Канады, а также близ Аляски и Камчатки».

Возможно, в такой трезвой оценке сказалось мнение знаменитого советского океанолога, профессора МГУ, инженер-контр-адмирала (и цусимского минного героя-мичмана) Николая Николаевича Зубова, который считал, что «самое появление англичан на севере Тихого океана было вызвано успехами, которых достигли русские мореплаватели».

И вот уж это было сказано «в точку».

Собственно, в предисловии к новой публикации в 1952 году давнего труда Гавриила Андреевича Сарычева (1763–1830) – выдающегося нашего землепроходца, о котором ещё будет сказано, профессор Зубов расставил и другие точки над «i», вполне согласующиеся с моей версией. Зубов писал:

«Нельзя не отметить, что русские открытия на севере Тихого океана сильно тревожили иноземцев, особенно англичан. Известное третье плавание Дж. Кука (1776–1780), а затем Грея (1789–1793) и Ванкувера (1791–1795) имели прямой задачей разведать границы русского продвижения на восток, подорвать значение русских открытий и в конечном счёте помешать укреплению русских на американском материке. Свои задачи английские экспедиции осуществляли довольно неуклюже. Они «открывали» уже давно открытые русские острова и бухты, нередко путались, принимая прибрежные островки за выступы материкового берега и называя проливы заливами...»

Кук приписывал себе первое открытие северо-западного берега Америки выше широты 57°, но, как писал русский мореплаватель вице-адмирал Василий Михайлович Головин, «он был введен в сие заблуждение по незнанию о плаваниях в том краю наших мореходцев и что

тот край нам был лучше известен, нежели англичанам. Например: славный сей мореплаватель утвердительно пишет, что он нашёл большую реку, которую лорд Сандвич назвал его именем. Кук приводит и доказательство, что это действительно река. Но русские знали, что так называемая Кукова река есть не река, а большой залив, который мы и теперь называем Кенайскою губою».

Головнин приводил примеры и других ошибок Кука, вроде того, что Евдокеевские острова показались ему одним островом, названным Куком «Туманным». Используя родной язык капитана Кука, здесь можно сказать одно: «No comments!»

ЗА АНГЛИЙСКОЙ экспедицией Кука-Кларка последовала в 1785 году французская экспедиция Жана Франсуа Лаперуза, и с ней тоже не всё так уж и понятно. Источник, к французам не предубеждённый – «История великих путешествий» французского Жюль Верна, сообщает нам: «О последнем путешествии Кука ещё ничего не было известно, кроме смерти великого мореплавателя, когда французское правительство, не желая уступить первенство англичанам, решило снарядить экспедицию в Тихий океан».

Выглядит это странно: о маршруте Кука и о его северных открытиях – настоящих и мнимых – ещё ничего не известно, а французы уже «не желают уступить первенство англичанам». Откуда сыны древней Галлии знают, что им надо уступать то, о чём им ещё не известно?

Вернёмся опять же к Жюлю Верну: «*Инструкции* (ох уж эти инструкции! – С.К.), полученные Лаперузом при отплытии, предписывали ему исследовать побережье Америки, часть которого до горы Святого Ильи (за исключением залива Нутка) была лишь усмотрена капитаном Куком».

Ну, во-первых, район горы Святого Ильи уже был не то что «усмотрен», а не раз к тому времени посещался русскими промышленниками. Другое дело, что делать там им особенно было нечего – морских бобров и котиков хватало пока в местах, к Сибири более близких. Скажем – на тех же островах Прибылова. Так или иначе, Витус Беринг эту гору и окрестную береговую линию «усмотрел» почти на сорок лет раньше Кука.

Залив Нутка – это западный берег острова Ванкувер, который почти сросся с материком на границе современных Канады и США. Нутка – это значительно южнее горы Святого Ильи. А гора Святого Ильи находится почти в центре залива Аляска, на почти равном расстоянии от лежащего южнее горы архипелага Александра и лежащих севернее её нижних, «коренных» Алеутских островов.

Но почему Лаперуза отправляли к этой приметной с моря горе? И откуда о ней в тогдешнем Париже знали? Одним из источников информации наверняка был добравшийся во Францию через три океана беглец с Камчатки граф Беньовский (1741–1786). Недаром его приняли в Париже с большой теплотой. Не исключено, что сами планы экспедиции Лаперуза выкристаллизовались под влиянием Беньовского и после его сообщений.

Так вот, Кук, когда добрался до северных широт, начал в 1778 году с того, что подошёл к западному берегу Северной Америки в районе Ванкувера и пошёл вдоль материка вверх на север. Дошёл до середины залива Аляска, «усмотрел» – в соответствии с имевшейся у него русской картой, составленной Миллером, – гору Св. Ильи и двинулся далее на север, мимо острова Кадьяк к Алеутам, руководствуясь опять-таки картами своих русских предшественников.

Обогнув Алеуты, он действительно открыл (тут уж спору нет!) Бристольский залив, русским тогда неизвестный – промышленники успевали вдоволь набить бобров и котиков, до него не добираясь.

Пройдя затем Берингово море, Кук прошёл Беринговым заливом в Ледовитый океан, поутюжил его в разведывательных целях и пошёл обратно на юг, на зимовку в тропики. Пересекая Алеутскую гряду, он, между прочим, встретился с русским мореходом Измайловым. Тот

разъяснил Куку, каково истинное положение этой гряды, дал ценные сведения о русских плаваниях на Севере и у берегов Америки, в том числе и – к Кадьяку.

Так плавал в северо-западной зоне Тихого океана, уже осваиваемой русскими, англичанин Кук.

А теперь можно бросить взгляд на северное плавание француза Лаперуза...

Добравшись до Америки, Лаперуз, в отличие от Кука, сразу двинулся к середине залива Аляска, к горе Св. Ильи. И лишь оттуда стал спускаться вдоль материка к Ванкуверу, повторив маршрут Кука наоборот.

Почему же так вышло? Почему всё выглядит так, как будто Лаперуз, ещё не выходя из французского Бреста, уже знал об обстановке в северо-западной части его плавания? Не будет ли логичным предположить, что французам было известно много больше, чем думал Жюль Верн? Всё это возвращает нас к Беньовскому, но – конечно же, не только к нему и к его сведениям.

Первое издание дневников Кука, пусть и подчищенное, было выпущено каноником Дугласом уже в 1783 году, а «Буссоль» Лаперуза и «Астролябия» де Лангля вышли в море в 1785 году. Познакомиться с записями Кука время было. И всё же, что имел в виду Жюль Верн, когда писал, что Лаперуза начали снаряжать, когда «о последнем путешествии Кука ещё ничего не было известно, кроме смерти великого мореплавателя»? Что, писатель не знал об издании Дугласа? Не думаю...

Да и почему Лаперуз, тщательно повторив маршрут Кука от «Ильи» вниз до Ванкувера, даже не пытался пройти путём Кука вверх, на север? Не потому ли, что о севере ему уже было известно из русских источников? И известно достовернее и полнее, чем англичанам.

Ранее уже говорилось о северной карте, изданной французом дю Альдом в Париже в 1735 году за счёт то ли польского, то ли (вспомним гоголевского Хлестакова!) «датского» короля, а на самом деле переданной во Францию из Петербурга шпионом Делилем. А через полвека, во времена Лаперуза, французам в Петербурге и шпионить не было нужды – Екатерина II к ним относилась лояльно и вполне могла ознакомить французских мореплавателей с обширными результатами русских изысканий в зоне Берингова пролива и южнее.

Весьма вероятно, что именно поэтому на север Лаперуз не двинулся – видно, в Париже уже поняли, что там Франции конкурировать с Россией не под силу. Зато западный берег Канады обозреть надо было, что Лаперуз и сделал. Это уже после он пересёк Тихий океан, зашёл в Китай и вновь пошёл на север – к Сахалину, открывать пролив Лаперуза.

Но и эта – повторно северная – часть его маршрута тоже выдаёт осведомлённость француза о состоянии тогдашних русских дел в той зоне. Русские ведь тогда и на Сахалине бывали, но – «факультативно», так сказать, без особых претензий. Вот Лаперуз – на всякий случай – и прошёл на Сахалин. И оттуда двинулся не куда-нибудь, а к ближайшему русскому порту – Петропавловску-на-Камчатке. И там уж он не открытый искал, а хотел с русской Камчатки надёжным путём, через Россию, отправить в Париж свой экспедиционный отчёт. Он его и отправил – с Жаном Батистом Лессепсом, французским вице-консулом в России.

Но как оказался Лессепс в дикой российской восточносибирской глуши? Всё объясняется просто: Лессепс сопровождал Лаперуза от самого Бреста и стал единственным участником экспедиции, завершившим кругосветное путешествие, потому что все остальные позднее потерпели кораблекрушение и погибли у берегов тропического острова Ваникоро.

Нет, не из издания англичанина Дугласа знали французы в 80-е годы XVIII века о том, как обстояли дела в северной и – уже тогда – *русской* части Тихого океана. Упомянувшийся ранее Я.М. Свет в предисловии к дневникам Кука писал:

«Следует, однако, иметь в виду, что далеко не все русские описания и карты были известны в XVIII веке за пределами России. Многие русские карты, в частности серия ценнейших карт, подготовленных при

непосредственном участии А. Чирикова в Морской академии в 1745–1746 гг., были обнаружены советскими исследователями (А.И. Андреевым, М.И. Беловым, Л.С. Бергом, В.И. Грековым, В.А. Дивиным, А.В. Ефимовым, Д.М. Лебедевым и др.) только спустя двести лет после их составления. Факт этот, к сожалению, не всегда достаточно учитывается современными историками».

Факт, приведённый Я.М. Светом, действительно впечатляет. Однако события двухсотлетней давности точно восстановить во всём их объёме сегодня невозможно. Вряд ли труды Чирикова просто залежались тогда в архивной пыли – в елизаветинско-ломоносовской России им наверняка находилось практическое применение. Но и позаимствовать их у русских тот же Делиль и прочие делили могли – как открыто, так и тайно.

РУССКИЕ «американские» успехи лишали покоя не только Лондон и Париж, но и Мадрид. Испания тогда ещё была великой морской державой, и тихоокеанскую зону вниманием не обходила, но до 70-х годов XVIII века северной границей обжитых испанцами земель в зоне Тихого океана было основание полуострова Калифорния. То есть испанцы забирались не выше всего-то 33° северной широты.

Сообщения о русских открытиях на северо-западе Америки уже с конца 50-х годов XVIII века активизировали интерес Испании к освоению более высоких широт. Вот как описывал это Я.М. Свет:

«Первые сигналы тревоги подали Мигель Венегас и Хосе Торрубия. Торрубия доказывал, что «русские открыли новый путь в Северную Америку, и по этому пути прежде материк заселялся обитателями Азии (похоже, испанцы подозревали при этом сухопутный переход. – С.К.)». В основе сообщений лежали довольно смутные сведения об открытиях Первой и Второй Камчатских экспедиций. Эти сведения были уточнены послом Испании в Петербурге... маркизом Альмадоваром, в 1761–1762 гг.

...Сменивший маркиза Альмадовара новый посол Альваро де Нава, виконт Эррерия, ошеломил своё правительство сведениями о грандиозной русской экспедиции, якобы снаряжаемой к новооткрытым берегам Северо-Западной Америки...

Донесения Эррерии вызвали в Мадриде бурную реакцию. Немедленно были разработаны срочные меры для заселения территорий, лежащих к северу от мексиканских земель. В 1769–1776 гг. в Калифорнии возникла довольно густая сеть миссий и новых поселений, и именно в эти годы были заложены города Сан-Диего, Монтерей и Сан-Франциско. Северная граница вновь освоенной территории прошла примерно вдоль 39° с.[еверной] ш.[ироты]...»

В дальнейшем испанская экспансия на север усилилась, а причиной стали донесения из Петербурга уже Франсиско Антонио Ласи, заменившего Эррерию. Как сообщает всё тот же Я.М. Свет, у Ласи был тайный агент в одном из петербургских ведомств, вероятно в Иностранной коллегии, через которого испанский посол получал копии секретнейших документов, касающихся русских тихоокеанских и «американских» открытий. По сути, сообщая это, Я.М. Свет опровергал своё же собственное утверждение о том, что далеко не все русские описания и карты были известны в XVIII веке за пределами России. Наиболее важные данные в реальном масштабе времени доходили, как видим, даже до Мадрида, а до Парижа от Петербурга было ближе, как, впрочем, и до Лондона.

В марте 1773 года Ласи переслал в Испанию карту русских открытий, составленную академиком Герардом Миллером, и министр заморских дел Испании Хулиан де Арьяга немедленно направил её вице-королю Новой Испании (Мексики) Антонио-Марии Букарели-и-

Урсуа. А Ласи весной 1775 года выслал в Мадрид новые материалы по русским открытиям, а также карту Якоба Штелина.

Штелин, родившись в год Полтавской битвы – в 1709 году, в Швабии, в возрасте 26 лет в недоброе правление Анны Иоанновны появился в Петербурге, где и скончался 25 июня 1785 года. В истории Штелин остался известен как деятель Академии художеств, придворный мастер фейерверков и иллюминаций, автор «Записок Якоба Штелина об изящных искусствах в России».

Бряд ли снабжение иностранных дипломатов картами русских тихоокеанских открытий входило в академические обязанности Штелина, и карту он передал Ласи, надо полагать, на «общественных началах».

А возможно, и не одну...

Так или иначе, испанцы были встревожены не на шутку, и 25 января 1774 года из мексиканского порта Сан-Блас на север направился фрегат «Сантьяго» под командой Хуана Хосе Переса Эрнандеса с предписанием Букарели дойти, следуя вдоль западных берегов материка, до 60° северной широты и **вести во владение Испании все открываемые земли в полосе Тихоокеанского побережья**. Капитан Перес до 60° широты, однако, не дошёл и от 55° повернул назад на юг. На обратном пути на западном берегу острова Ванкувер он открыл обширную бухту, через четыре года вновь «открытую» Куком и названную им заливом короля Георга (ныне – залив Нутка).

Перес вернулся в Сан-Блас 31 октября 1774 года, а 16 марта 1775 года началась новая экспедиция на кораблях «Сантьяго» и «Сонора» под командой прибывших из метрополии офицеров Бруно де Эсеты и Хуана-Франсиско Бодеси-и-Куадры. В составе экспедиции был также пакетбот «Мехикано».

Следующая испанская экспедиция ушла на север уже в 1779 году, и на этом мы обзор испанской активности на Тихом океане, вызванной тихоокеанской активностью русских, пока завершим, чтобы вновь вернуться к «испанской» теме в своём месте.

ОСТАЁТСЯ сказать несколько слов ещё и о Джордже Ванкувере. Капитан Ванкувер был с Куком во втором и третьем его кругосветном плавании, а в 1791 году был направлен Лондоном, как пишет Жюль Верн, «к берегам Америки для того, чтобы положить конец спорам, возникшим с испанским правительством из-за залива Нутка (в 1789 г. – С.К.), и добиться от испанских властей официальной уступки этой бухты, имевшей важное значение для торговли мехами».

Задача, поставленная перед Ванкувером, выглядела странно – обычно такие дела поручаются не обветренным стужей и обожжённым тропиками судоводителям, а дипломатам. Логичнее было бы не затевать кругосветный тарарам, а провести переговоры в Мадриде. Но и тут нам кое-что может разъяснить реальный маршрут Ванкувера... Выйдя из Англии, он, как и Кук, прошёл к южной оконечности Африки – мысу Доброй Надежды... Там он, говоря языком современным, «бункеровался», а говоря языком инструкции Куку, взял «в нужном количестве съестные припасы и воду».

Даже от мыса Доброй Надежды до Нутки ближе будет идти (если смотреть на карту) «налево», мимо мыса Горн, а Ванкувер пошёл «направо», по маршруту Кука. Но – с одним принципиальным отличием: он отвернул к западным берегам Австралии, и отвернул неспроста... Как сообщается в «Очерках по истории географических открытий» Иосифа Петровича и Вадима Иосифовича Магидовичей, Ванкувер спешил сделать официальную заявку на Западную Австралию, так как англичане «подозрительно относились к активности французов в Океании и в австралийских водах».

Советским исследователям умалчивать об этом «финте Ванкувера» смысла не было, поэтому они о «крюке» в его маршруте и сообщили. А вот француз Жюль Верн на информацию

был скуп: «Мы не будем останавливаться на плавание Ванкувера вдоль юго-западного берега Австралии, так как оно не дало ничего нового». Что ж, оно и понятно – ловко выхваченный англосаксами из-под французского носа континент был для Жюль Верна «несоблазнитель», подобно якобы «зелёному» винограду из басни.

Но как умели всё же в Лондоне «секретными» инструкциями истинные свои цели прикрывать!

Затем Ванкувер через Гавайские острова действительно прошёл к Америке и в апреле 1792 года в длинном морском рукаве пролива Хуан-де-Фука встретился с двумя небольшими кораблями испанца Бодеги-и-Куадры. Капитаны обменялись данными, назвав открытый ими огромный остров, где уже бывал Хуан Перес, совместным именем Ванкувер-Куадра. Впрочем, ход дальнейших событий оставил от этого наименования лишь английскую его часть.

А вскоре Ванкувер начал бороздить вверх-вниз прибрежную зону от острова Ванкувер-Куадра к русским американским владениям – до тех мест, где через полтора десятка лет появится Ново-Архангельск, и даже дальше – к Алеутам. Он был в районе Кенайской губы, на островах Кадьяк и Чириков, но уже тогда там русских хватало – и на воде, и на суше. Так что повторить здесь западноавстралийский успех капитану Ванкуверу не удалось.

Между прочим, Жюль Верн и об этой части плавания Ванкувера умудрился не сказать почти ничего, что тоже объяснимо – когда великий француз писал свою «Историю открытий», французская Канада уже отошла в область истории. А вот отец и сын Магидовичи сообщают нам, что в своём аляскинском плавании Ванкувер широко использовал указания и сведения русских и что в его распоряжении были копии русских *секретных* карт, добытые британским Адмиралтейством через тайных агентов и британцев, близких ко двору Екатерины, в частности – через её лейб-медика Д.С. Роджерсона...

ВЕЛИКИЕ мореплаватели Британии, плавающие по русским картам, – здесь есть чем гордиться русскому сердцу и уму. Тем не менее английские мореходы времён Кука, Кларка и Ванкувера оставались английскими мореходами, то есть первыми моряками мира.

При всём при том вторая половина XVIII века не могла не быть плодотворной и для русских исследователей северо-западных окраин Америки, а главное – для укрепления там российского присутствия. Русские появились на северных просторах Тихого океана и на его островах раньше кого-либо другого, и это были не эпизодические плавания типа экспедиций Кука, Ванкувера, Переса, Лаперуза... Начинаясь процесс широкого и устойчивого русского освоения северной части Тихого океана. С годами этот процесс не ослабевал, а лишь усиливался и прирастал деятельными людскими ресурсами за счёт выходцев из самых что ни на есть глубинных мест Европейской России, хотя и богатых небольшими и неглубокими реками, но отстоящих от морей нередко на тысячи километров.

Государственного уровня причин тому было, по крайней мере, две...

Во-первых, с 1758 года – ещё при «дщери Петровой» Елизавете – Географический департамент Академии наук был передан в «особливое усмотрение» Михайле Васильевичу Ломоносову. Пока что, слава богу, это имя в России в особых представлениях не нуждается, хотя почему-то начинает выпадать из некоторых энциклопедических (!?) словарей вроде изданного издательством «Большая Российская Энциклопедия» словаря «История Отечества».

Ломоносов чётко заявлял, что надо нам «завести поселения, хороший флот с немалым количеством военных людей, россиян и сибирских подданных языческих народов». Ему же принадлежит и другой тезис, который когда-то цитировали многократно, но – стыдливо урезая его окончание, мной приводимое и выделенное: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном *и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке*».

В первых песнях поэмы «Пётр Великий» Ломоносов даже в стихах проводил мысль о значении Америки для России и писал:

*Тогда плывущим Пётр на полночь указал,
В спокойном плаваньи сии слова сказал:
Какая похвала российскому народу
Судьбой дана пройти покрыту льдами воду.
.....
Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь откроят на Восток,
И наша достигнет Америки держава...*

Между прочим, последнюю ломоносовскую строку тоже, как правило, при цитировании опускают, отчего смысл слов «Колумбы росские» полностью искажается. Ведь великий наш помор, написав так, как он написал, имел в виду прямо то, что генуэзец Колумб открывал Америку с запада, а русские открывают ту же Америку, но – уже с востока.

И уж как прямой то ли наказ Михайла Васильевича монархам, то ли – как прямой его упрёк им, врезаны были в эпоху следующие слова:

«Если же толика слава сердец наших не движет, то подвигнуть должно нарекание от всей Европы, что имея Сибирского океана оба концы и положив на то уже знатные иждивения с добрыми успехами, оставляем все втуне».

Ломоносову бы при Петре жить! Великий наш царь-реформатор явно не просто так интересовался – «сошлася ли Америка с Азией?» и не любопытства ради спешно отправлял Евреинова и Лужина для выяснения этого вопроса. Думаю, если бы Пётр прожил бы ещё хотя бы с десяток лет и вовремя узнал, что нет – «не сошлася», то судьба Русской Америки могла быть совсем иной – как раз в том роде, о котором писал великий наш помор, мечтавший, что называется, в духе задумок Петра. И русский Тихоокеанский флот мог бы стать реальностью на полтора века раньше.

Правда, виднейший наш историк Сергей Михайлович Соловьёв (к сожалению, теме движения России к водам Великого океана не посвятивший и десятка строк) объяснял внимание царя Петра к российской восточной окраине тем, что надо было, мол, «удовлетворить требованию науки, выставленному Лейбницем, узнать, «сходится ли Азия с Америкой...».

К труду С.М. Соловьёва на ниве отечественной истории я отношусь с немалым уважением, однако по поводу этого его заявления остаётся лишь пожать плечами. Лейбниц – Лейбницем, но Пётр умел видеть будущую историю России подальше и собственного носа, и – Чукотского «носа»... Отправляя Беринга на поиски северного пути в Америку, Пётр писал: *«Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских».* А впервые он заинтересовался проблемой ещё в молодости, после знакомства с донесениями Владимира Атласова о Камчатке.

Так же, как Соловьёв, то есть узко, понимали задачи 1-й Камчатской экспедиции и многие другие историки как в XIX, так и в XX веке. Однако издавна существовало и более широкое (и явно более точное) мнение на взгляды Петра и понимание им задач Российского государства. Не склонный к лёгкости мысли, зато склонный к основательности, академик Владимир Иванович Вернадский третью главу своих ещё дореволюционных «Очерков по истории естествознания в России» назвал: «Пётр Великий – инициатор науки в России». Там Вернадский писал:

«Хотя Пётр исходил из идей государственной полезности, он в то же время обладал поразительной любознательностью, заставлявшей его обращаться к научным вопросам, тратить средства на научные предприятия и тогда, когда прямая государственная полезность была неясна...

Не раз проявлялись в словах и действиях Петра указания на яркую идейность, которая им руководила в этой работе...

Любопытно, что определённые научные вопросы, поставленные Петром, определили на долгие годы, на несколько поколений после него, научную работу русского общества. Пётр выдвинул вопросы географического характера, и главным образом исследование крайних восточных пределов Русского царства. Исследование азиатской России, в частности Сибири, получило такое значение, какое нам теперь кажется странным и непонятным (это писалось в 1912 году, в бескрылой, вконец запутавшейся царской России Николая II. – С.К.). На составление географической карты этих мест, познание её природы были истрачены средства и использованы силы, не имевшие ничего общего с тем, что было сделано для этого в XIX столетии (и Вернадский знал, что писал! – С.К.). Великая Сибирская экспедиция 1730–1740-х годов, как и более ранняя экспедиция Беринга, была предприятием, финансирование которого должно было заставить призадуматься и другие государства с более прочным бюджетом, чем Российская империя того времени».

Конечно, Вернадский был прав. **К тому же имеется абсолютно точный ответ на вопрос – одна ли жажда удовлетворить научное любопытство Лейбница заставила Петра обратить свой взор на дальнюю восточную окраину России и дальше?** Причём ответ этот дал сам Пётр.

Напомню, что 2 января 1719 года он в своей инструкции Евреинову и Лужину не только предписал им установить, *«сошлася ли Америка с Азией»*, но и *«зело тщательно сделать не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить...»* Иными словами, Евреинов и Лужин должны были пролагать свои маршруты как с юга на север, отыскивая перешеек или пролив, так и с востока на запад, то есть исследуя вообще всё водное пространство, простирающееся от берегов Сибири на восток. А это была уже задача, по сути, геополитики, в чём Пётр разбирался лучше многих.

Да и указ Петра Адмиралтейств-коллегии об организации 1-й Камчатской экспедиции содержал такую подлинную помету Петра, которая выдаёт его интерес к Америке как таковой. 23 декабря 1724 года, подписывая указ, Пётр пометил: *«Зело нужно штурмана и подштурмана, которые бывали в Нордной Америке»*.

Более того, ещё 24 апреля 1713 года корабельный мастер и государственный деятель Фёдор Степанович Салтыков (?–1715), сын тобольского воеводы Степана Ивановича Салтыкова и сподвижник Петра, направил из Лондона Меншикову для передачи царю «Пропозицию», где предлагал, в частности, *«велеть построить корабли на инисейском устье»*, и *«теми кораблями, где возможно, кругом сибирскаго берега велеть проведать, не возможно ли найти каких островов, которыми б мочно овладеть под ваше владение»*. Причём Салтыков далее писал, что *«ежели таких островов и не сыщется, мочно на таких кораблях там купечествовать в Китаи и в другие острова...»*

Предлагать перегнать суда из устья Енисея в Тихий океан можно было лишь в случае уверенности в том, что между Чукоткой и Америкой есть морской проход – пролив. И Салтыков явно был в том уверен – коренной сибиряк, он знал и о походах Семёна Дежнёва, и о походах Атласова к устью Анадыря. В 1714 году Салтыков подал Петру и ещё одну записку «Изъявления прибыточные государству» о поисках морского пути из Архангельска в Китай.

Так что не многомудрые наставления Лейбница побудили Петра двинуть к «Тихому морю» вначале двух молодых русских парней-геодезистов, а затем – и Витуса Ионассена Беринга. Да и Михайла Васильевич Ломоносов, при всём своём уважении к светилам европейской науки, не идеями Лейбница тут вдохновлялся.

ИТАК, Ломоносов – это было в вопросе об актуальности тихоокеанских исследований, «во-первых»... Конечно, его государственный статус не был таким, чтобы принимать ответственные решения, выделять средства и людей на исследование и освоение дальних окраин и т. д. Но для успеха большого дела всегда важен идеолог-энтузиаст, умеющий задать перспективу и заставить работать государственные умы.

Во-вторых, с 1762 года на российском престоле воцаряется императрица Екатерина II, своё звание «Великой», надо признать, заслужившая. Уже в начале царствования, в 1764 году, она получила из Тобольска доклад сибирского губернатора «лейб-гвардии пример-майора» Дениса Ивановича Чичерина об открытии «неизвестных мест и нового промысла» в «Бобровом» (то есть Беринговом) море. Сменщик Соймонова на посту губернатора Восточной Сибири, Чичерин и в тихоокеанской линии оказался его преемником. Речь же в докладе Чичерина шла о крупных алеутских островах Умнак и Уналашка...

Вообще-то, вдоль Алеутской гряды странствовали уже Беринг и Чириков, а геодезист, устюжанин Михаил Васильевич Неводчиков зимовал на самом её «кончике» – Ближних островах, в зиму 1745/46 года. (Похоже, Неводчиков и назвал острова Алеутскими.)

На соседних Крысыих островах в 1752 году высаживался мореход Пётр Башмаков, а через пять лет он же с купцом Андреем Всевидовым (фамилия-то какая подходящая!) из Тотмы плывал у центральной Алеутской группы.

В 1762 году «августа 3 дня в канцелярии Охоцкого порта» тотемский купец «Стефан Яковлев сын Черепанов» показал «скаску» о его пребывании на «острове Командорском» и на «Алеуцких островах» с 1759 года.

Ещё ранее экспедиция Чирикова принесла весть, что *«дальше за Камчаткою море усеяно островами, за ними лежит твёрдая земля; вдоль берегов тянутся плавучие луга солянки, а на них кишмя кишит всякий зверь, среди которого есть один – ни бобёр, ни выдра, больше того и другого, мех богаче собольего и одна шкурка стоит до 400 рублей»...*

Самобытный русский геополитик начала XX века Генерального штаба генерал-майор Алексей Ефимович Вандам (Едрихин), имя которого упоминаю здесь впервые, но в своём месте с уважением ещё не раз вспомню, написал о событиях, последовавших за русскими тихоокеанскими открытиями, так:

«Эта весть точно кнутом хлестнула по воображению сибирских промышленников. Открытие Алеутских островов и Северо-Западной Америки явилось для них тем же, чем для искателей золота могло бы явиться нахождение новых приисков, состоящих из одних самородков... Вскоре на Алеутских островах работало уже семьдесят семь компаний, собиравших с моря ежегодно миллионную дань».

Быстро возникший торгово-промышленный интерес стал третьей мощной причиной нарастающего процесса русских открытий в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. Русские промышленники, что называется, раз за разом натывались на разные земли у американского континента – и прямо прилежащие к Алеутам по обе стороны гряды, и лежащие ближе к полуострову Аляска. Так, одним из первых на острове Кадьяк юго-восточнее Аляски побывал и зимовал там в 1761 году подштурман-промышленник Дмитрий Павков. А добираясь до Кадьяка, он почти неизбежно шёл в виду Алеут.

В 1760 году добрался до более близких к Аляске Андреяновских островов Андреян Толстых (почему эти острова и назвали впоследствии Андреяновскими). И в том же 1760 году на Ближних Алеутах побывал тотемский купец Степан Яковлевич Черепанов, о котором уже было сказано. Через шесть лет, 2 октября 1766 года, Толстых погиб у берегов Камчатки, возвращаясь из плавания вдоль Курильской гряды, где искал злополучную для русских мифическую «Землю Жуана-да-Гамы»...

Как видим, не одни морские бобры-каланы интересовали русских людей крупного калибра в те годы – они шли в неизвестное за открытиями и были готовы платить за них жизнью. Впрочем, не будем умалять калибр и других народов – уже древние греки говорили: «Жить не обязательно, плавать по морю – обязательно!»

Толстых до Америки не добрался, зато промышленник-«передовщик» Степан (Семён?) Гаврилович Глотов в 1759–1762 годах бывал у берегов Северной Америки, на островах Умнаке, Уналашке и других. Там было много лисиц, и русские назвали острова Лисьими, приводя жителей Умнака и Уналашки в русское подданство: *«через оную их ласку и привет... приведено ими со всеми компанейщиками под высокoderжавную е.и.в. руку в подданство и в платеж ясака тамошних народов...»*. Последние слова взяты из «Изъяснения» Глотова и его «компанейщика» казака Савина Пономарёва. «Изъяснение» было составлено ещё одним их компаньоном – тотемским посадским Петром Шишкиным в 1762 году.

Интересен перечень из этого «Изъяснения»:

«Звание островам и на них имеющих зверей и протчаго, о том явствует ниже сего, а имянно:

1. Умнак. 2. Науналашка лисицы, на которых промышляли.

Дальние острова: 3. Уналга, лисицы есть. 4. Акутанак морские сиучи. 5. Акутанак бобры. 6. Акугыст, лисицы есть. 7. Кыгылгыст, лисицы есть. 8. Унимак, лисицы на нем. 9. Алахшак, лесу стоячего много, лисицы, медведи, олени, по признакам куницы, кабаны есть. 10. Прямо ево Кучюк сиучи, отчасти бобры. 11. Танилак сиучи, бобры. 12. Кадияк в боку с полдни, лисицы, сиучи, лес стоячей, которой толщиной охватов до пяти. 13. Шугачь Таны, зверей есть: медведи, олени, лес, а мужики платье носят, рубашки портяные, а при них палаши и копье... 14. Остров Улигись все бобры, а мужики приезжают с Жугачь Таны, который придет з бабой перебудет и пропадет; весь женской пол имеют на себе платье женское. 15. Атахтак, люди на нем одноглазые, однорукие, одноногие (далее, впрочем, честно пояснено, что это записано со слов «мужика»-алеута Кашмака с Уналашки. – С.К.). 16. Чихмилль остров невелик, судно выкинуто, иностранное по приметам, двоемачтовое, а про людей неизвестны...»

Мореход-промышленник Гавриил Гаврилович Пушкарёв тоже зимовал на Алеутах ещё за десять лет до доклада Чичерина Екатерине.

А в год представления этого доклада, то есть в год 1764-й, устюжский купец Василий Шилов составил карту Алеутских островов. Позднее он же их активно осваивал, почему и получил от Екатерины медаль «за усердие о взыскании за Камчаткою новых островов». И в тот же год промышленник-передовщик Иван Максимович Соловьёв плывал с отрядом в 55 человек к Лисьим Алеутским островам на промысел и для сбора ясака. Он вернулся на Камчатку в 1766 году, потеряв 28 человек, но представив 28 июля «благородному и почтенному господину прапорщику Тимофею Ивановичу Шмалеву компании иркуцкаго купца Якова Уледникова с товарищи прибывшего с морских островов судна, именуемого Святых апостол Петра и Павла, от морехода и передовщика тобольского посадского Ивана Соловьёва Репорт»...

Буквально за два дня до «репорта» Соловьёва – 26 июля прапорщик Шмалев получил подобный же «репорт» от «морехода и передовщика города Ваги Верховажской четверти Къянской десятины дворцового крестьянина Ивана Коровина с товарищи», вернувшегося с Уналашки и Умнака на судне «Святые живительноначальные троицы»...

Как видим, доклад губернатора Чичерина сообщал об открытии «неизвестных мест» не совсем точно – ко времени представления доклада русским людям, гордо именовавшим себя «передовщиками», эти места были известны уже неплохо. Но теперь то, что знали русские промышленники-охотники, стало «высочайше» известно и в русской столице. Реакция Екатерины была мгновенной. Она повелела Адмиралтейств-коллегии (президентом которой в то время был великий князь Павел Петрович, будущий император) снарядить «секретную» экспедицию для исследования, описания и закрепления за Россией новооткрытых островов. Официально замысливаемое предприятие было названо «Экспедицией по описи лесов по рекам Каме и Белой».

УМНИЦА была всё же немецкая принцесса Софья-Фредерика Августа, ставшая в России императрицей Екатериной! Вот стиль её приказа: *«Отправить немедленно, по своему рассуждению сколько надобно, офицеров и штурманов, поруча над оными команду старшему, которого бы знание в морской науке и прилежание к оной известно было»*. Обращаю внимание читателей на оборот «по своему рассуждению сколько надобно»...

Сколько надобно!

И – по своему рассуждению!

Выбор пал на боевого командира бомбардирского судна «Юпитер» капитан-лейтенанта Петра Кузьмича Креницына, которого Екатерина тут же произвела в капитаны 2-го ранга и наградила золотыми часами. Помощником себе Креницын взял известного ему по общей боевой работе двадцатидвухлетнего мичмана Михаила Дмитриевича Левашова.

История экспедиции Креницына – Левашова оказалась непростой, а порой и трагичной... Часть судов её погибла ещё на переходе из Охотска к Камчатке, в том числе и командорская бригантина «Святая Елизавета». Однако в 1768 году Креницын, уже на галиоте «Святая Екатерина», и Левашов на гукоре «Святой Павел» дошли до Унимака – самого крупного из Алеутских островов и самого дальнего от России (но самого близкого к Аляске).

Неделя ушла на описание Унимака, осмотр аляскинских берегов и открытие узкого Иса-ноцкого пролива, отделяющего Унимак от материка. Затем капитаны разошлись для съёмок, а по окончании их зазимовали – Креницын на Унимаке, а Левашов на другом алеутском острове, Уналашке.

Закончилась тяжёлая, цинготная зимовка, во время которой умерло шестьдесят человек и среди них – первооткрыватель Уналашки Степан Глотов. Лето 1769 года прошло в новых съёмках. Была описана вся Алеутская гряда. **И это были первые плавания европейцев в юго-восточной части Берингова моря. Кук тогда ещё грелся в водах Новой Зеландии, Лаперуз вообще был всего лишь строевым офицером в европейском французском флоте.**

Увы, даже поэт путешествий Жюль Верн в своей толстенной «Истории великих путешествий», посвятив всего-то полторы страницы экспедициям Беринга и Чирикова, далее сообщает: «Путь был найден. По нему настойчиво устремились авантюристы, купцы, моряки. Совершённые ими открытия относились главным образом к Алеутским островам и Аляске».

И это – всё!

Удивительно, но Жюль Верн, умевший дать в своих романах целую галерею бескорыстных и благородных героев, отказал в благородстве и высоких помыслах русским «передовщикам». А ведь Андреян Толстых, Василий Шилов и их товарищи были деятельными купцами и отличными мореходами, но авантюристами они не были уже потому, что происходили из основательных российских мест.

Толстых был – да, купцом, но – отнюдь не стяжателем, а, скорее, мечтателем. Он искал неведомые земли, спасал потерпевших крушение товарищей и плавал на собственном судне с названием, говорящем о хозяине больше романов, – «Андреян и Наталья»... Это имя корабля,

пожалуй, уникально в истории мирового мореплавания и по выразительности, и по силе взаимной любви... Впрочем, те же воды бороздило тогда и судно тотемского посадского, морехода Степана Черепанова под именем «Захарий и Елисавета», романтизм которого тоже налицо.

Иван Коровин и Иван Соловьёв уже в первых строках «репортов» давали объяснение цели своих походов, и это были не авантюрные цели, и не мелочные побуждения своекорыстных купчишек. Ссылаясь стандартно вначале на «ея императорского величества указ из Камчатской Большерецкой канцелярии» от такого-то числа, далее они писали о своих задачах схоже, но каждый – своими словами... Вчитываясь в эти строки, написанные отнюдь не мастерами художественного слова, поражаешься их простому величию и ощущаешь распирающую грудь гордость за нашу Россию, простые сыны которой могли выражаться так державно в силу русского чувствования и естественного русского патриотизма. Ведь не прапорщик Шмалев диктовал им эти слова, а сами их души и сердца...

Зачем уходил в бурный холодный океан Иван Коровин? А вот зачем: *«для распространения Российской ея императорского величества империи и уповаемой государственной пользы к приращению высочайшего ея императорского величества интереса, к приведению в подданство под высоко самодержавную ея императорского величества руку живущего на съсканных морских островах неясашного народа в ясашный платеж, а особливо и ко изысканию некоторых полезно подобных к государству прибытков»...*

Иван же Соловьёв писал: *«для искания полезно добраго, к ползе государства, к распространению Российской ея императорского величества империи интереса, к промыслу зверей и для обыскания незнаемых островов и на них живущих неясашных народов приводу под высоко самодержавную ея императорского величества руку»...*

И после этих многотрудных походов русские передовщики, набив «бобров», не отправлялись ведь в «европы» проматывать прибыли или спокойно «гоношить деньгу», а вновь уходили в новые многотрудные походы.

Во имя наживы?

Да нет – во славу России и ради могущества России.

А Пётр Креницын и Михаил Левашов? А их офицеры и матросы? Они были настоящими моряками и русскими патриотами, но и они авантюристами не были. Они шли к новым землям, открывали их для России и готовы были идти – через смерти – от открытых земель к землям ещё не открытым.

В 1770 году, перед новым походом, произошло несчастье... Креницын утонул в реке Камчатке – опрокинулся челнок. Заменяв старшего товарища, дело экспедиции довёл до конца Левашов. **И всё это было за восемь лет до появления в северных тихоокеанских водах первой западноевропейской экспедиции – экспедиции Кука, за пятнадцать лет до второй – экспедиции Лаперуза и за двадцать с лишком лет до плавания Ванкувера.**

Вернувшись 22 октября 1771 года в Петербург, Левашов был сразу произведён Екатериной в капитаны 2-го и 1-го ранга. Остался доволен им и генерал-адмирал цесаревич Павел, назначив отличившегося офицера командиром корабля «Борис и Глеб». Но жизненных сил у Михаила Левашова хватило лишь на Алеуты. В 1773 году, тридцати лет от роду, он скончался. Вечная ему слава и светлая память!

ВЗГЛЯНУВ на карту, мы поймём, что трудами Креницына, Левашова и их соратников-подчинённых Россия завершила начатое Берингом, Чириковым и их соратниками создание могучего – в потенциале – геополитического бастиона на восточных рубежах.

Берингово море фактически становилось Русским морем. По-хозяйски распорядившись этими, исторически оправданными и законными своими, приобретениями, Россия, «имея Сибирского океана оба концы и положив на то уже знатные иждивения», могла войти в XIX, а затем – и в XX век «с добрыми успехами». Собственно, во второй половине XVIII века к тому

вроде бы и шло. Идею дали Пётр и Ломоносов, верховная власть в лице Екатерины была настроена соответственно. Однако огромность расстояния от столицы до «театра геополитических действий» создавала огромные же трудности в реализации любых идей – пусть даже и самых насущных. Требовались люди, которых не надо было понукать и подталкивать, которые были бы без приказа предприимчивы и инициативны.

И такие люди нашлись.

А лидером и знаменем их стал Григорий Иванович Шелихов.

Глава 2

Эпоха Григория Шелихова, её «подколотные» «камни» и «Предтеча» Франсиско де Миранда

В 1948 ГОДУ в Москве Государственное издательство географической литературы выпустило в свет сборник документов под названием: «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке». Сборник открывался посвящением: «ПАМЯТИ Григория Ивановича Шелихова. К двухсотлетию со дня рождения (1747–1947)», а на следующей странице был помещён выразительный портрет Шелихова, изображённого при шпаге и подзорной трубе.

К этому времени имя Шелихова носил, во-первых, пролив между полуостровом Аляска и островом Кадьяк и, во-вторых, залив в северной части Охотского моря между Камчаткой и материком. До начала XX века залив назывался Пенжинской губой – как назвал его при открытии в 1651 году землепроходец Михаил Стадухин. В начале же XX века обширная акватория получила новое наименование, и название Пенжинская губа сохранилось лишь за северо-восточной частью залива, глубоко вдающейся в сушу.

А в 1956 году по Указу Верховного Совета в честь Григория Ивановича Шелихова (Шелехова) был назван Шелеховым новый посёлок (с 1962 г. – город) в Иркутской области, возникший при строительстве алюминиевого завода. Редкий случай – память русского купца чтит как царская, так и Советская Россия, что само по себе говорит о его исключительных заслугах перед Отечеством.

Григорий Шелихов родился в 1747 году в местах донельзя русских и донельзя сухопутных – в городе Рыльске Курской губернии. Парень смолоду разбирался в мехах – ими торговал отец, да и в коммерции тоже разбирался, поскольку в родственниках у него были состоятельные рыльские купцы Иван и Андрей Шелиховы и московский купец Фёдор Шелихов. Выходцам из Центральной и Северной России давно уже было не в диковинку осваивать Сибирь, и в 1773 году, в двадцать шесть лет, энергичный курянин поступает на службу к иркутскому купцу Ивану Голикову, тоже выходцу из Курска. А ещё через два года Шелихов – уже как компаньон Голикова – организует с ним и его племянником Михаилом купеческую компанию для пушного и зверобойного промысла в Тихом океане и на Аляске.

Капитан Кук Аляску тогда ещё и в подзорную трубу не видал!

В 1774 году Шелихов вместе с якутским купцом Павлом Сергеевичем Лебедевым-Ласточкиным (?–1800), впоследствии своим конкурентом, вызвались снарядить секретную экспедицию на Курильские острова во исполнение указа Екатерины II, для чего у «морских компанейщиков» тобольского купца Ивана Мухина и Засыпкина был приобретён корабль «Св. Николай». То есть весьма рано Шелихов попадает в поле зрения сибирских властей и устанавливает с ними прочные связи. Деловая активность Григория Ивановича возрастает, он становится пайщиком восьми компаний, а в августе 1781 года Шелихов и Голиковы учреждают прообраз будущей Российско-американской компании – Северо-Восточную компанию.

В 1780 году Шелихов по успешном возвращении с Алеутских островов судна «Святой Павел» продаёт его за 74 тысячи рублей и получает «достаточный капитал для дальнейших предприятий».

В ноябре 1781 года «в Рыльский городской магистрат города Рыльска от купца сего города и морского компанейщика Григория Шелихова» было подано «Объяснение» о целях учреждения им компании. Шелихов писал:

«...имею я торг в Сибири, в Иркутской губернии и составляю кампанию в Северо-восточном Тихом окяне для поисков неизвестных островов и

земель и сыскания необитаемых диких народов, которых собственными трудами и капиталом из усердия к отечеству стараясь сыскать и подводить под высокосамодержавную российского императорского престола власти, а затем и для собственной пользы через посредство промысла на тех островах и землях дорогих зверей...»

Шелихов сообщал в магистрат, что «строение» имеет «морских судов на манир галанских конструбицию, не больше по них 52 фут», а также «галиоты и брегантины от казны в Охоцком порту с платежом двойного по тамошнему окладу жалованья ластовых (грузовых. – С.К.) судов мастера...»

«И те суда, – продолжал Шелихов, – компаниею с разными товарами отправлял и отправляю на извесныя по Курильской гряде острова, а другия на ближния и дальния Алеуцкия острова во том же Северовосточном Тихом окяне, а пригон с ыскания неизвестных островов и разведования Северной Америки, где находятся необитаемые доселе дикия народы, которые и приводим через ласковое с ними обхождение, подарки и другие средства в подданство под высочайшею российского императорского престола власть...»

Итак, у Шелихова уже сформировались взгляды на то, что и как ему в этой жизни делать. Он переезжает из Иркутска в Охотск, строит три галиота (флагман – «Три святителя») и вместе с женой, двумя детьми и двумя сотнями работных людей отправляется на Аляску.

Его «шелехиада», описанная им позднее в книге «Российского купца Григория Шелихова странствования по Восточному океану к американским берегам», длилась пять лет... Он бороздит Бобровое-Берингово море, промышляет зверя, организует исследования – от Алеут до Курил, в 1784 году ставит на острове Кадьяк первое постоянное русское поселение на американской земле, сражается с аборигенами, берёт в заложники (аманаты) их детей, но также обучает местных жителей грамоте, ремёслам и земледелию...

В архивах сохранился удивительный по силе духа его составивших документ – «Постановление Г.И. Шелихова и мореходов его компании, принятое на острове Кыктаке (Кадьяке. – С.К.) 1785 г. декабря 11». С одной стороны, это, по сути, протокол общего собрания экспедиции Шелихова, на котором обсуждались вполне конкретные насущные вопросы. Экспедиция находилась в сложном положении – как сообщал пункт 2-й: «...не по знакомству с сими дальними краями во время зимовки немало российских народов общества нашего волею божиею разными болезнями померло и тем малую нашу силу важно обезсилило», и было решено летом следующего года возвращаться в Охотск, распродать там добытый мех и снарядить новое судно для нового похода... Но с другой стороны, «Постановление...», явно носящее следы авторства Шелихова, – это своего рода манифест **и программа** будущих действий автора манифеста.

В сборнике документов «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке» издания 1948 года сие знаменательное историческое «Постановление...» из десяти про- страных пунктов занимает четыре страницы, и привести его здесь полностью возможности нет, поэтому ограничусь преамбулой, пунктом первым и завершением пункта последнего.

Итак:

«В американских странах на острове Кыктаке Трёх Святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Симона богоприимца и Анны пророчицы компанион рыльской купец Григорий Иванов Шелихов с товарищи и со всеми двух судов компании своей при гавани лично находящимися мореходцами учинили.

1. Определили мы каждый из усердия себе любезному нашему отечеству по своей воле для сыскания неизвестных досель никому по островам и в

Америке разных народов, с коими завести торговлю, а через то... стараться таких народов под власть российскому императорскому престолу покорить в подданство. И по усердному нашему желанию американских предел помощью божиею уже дошли, и чрез годичное время здесь в Кенаях немало народов нашли, от коих с великим трудом и по битвам и по претерпению крайних и многих нужд и опасностей в залог дружелюбия и детей уже в аманаты более четырёхсот получили, из числа которых мальчиков немало число в талмачи (переводчики. – С.К.) частью обучили, а сверх тех ещё учим некоторых российской грамоте. И торг сей стороны с обитателями завели, места с их угожьями, частью осмотра, описали, на карту и план положили. И сверх того внутрь земли Америки и по берегу оной независимых ни у кого в подданстве разных же родов о диких народах слышим, а чрез то и надеется надобно бы труды и убытки наши с пользою поправить, а тем самым открыть отечеству нашему непредвидимые нашим трудом доходы».

Из уже приведённых строк можно понять многое: и меру испытаний авторов документа, и понимание ими важности соединения в одно личного и государственного интереса, и их желание не истреблять «разных же родов» «дикие народы», а включать их в пределы русской жизни. Первопроходческим духом проникнуто всё шелиховское «Постановление...», а завершается оно так:

«...должны мы для распространения в здешнем краю промыслов и торговли и расширения Всероссийской империи границ обыскивать все части с станových неизвестных островов и обитающих на таких местах народов чрез ласковое обхождение, в дружество приводить как на островах, так и по матерой американской земле обитаемых; для сего расположения имеем мы прожить в здешних местах, как выше сказано, по приходе судна трёхгодичное время, а потом... с божиею помощью выходить имеем в Охоцк.

На подлинном подписали разных городов и разного звания мореходы, состоящие по компании Голиковых и Шелехова.

Остров Кыктак, который от россиян

Назвался Кадьяк, 1785 года декабря 11 дня».

По постановленному на Кадьяке 11 декабря 1785 года и вышло! В 1786 году люди Шелихова ставят крепости на острове Афогнак у юго-восточных берегов Аляски и на полуострове Кенай. А в 1789 году по его приказу первые границы Русской Америки обозначаются 15 металлическими знаками.

АЛЕКСАНДР Радищев шутливо назвал Григория Ивановича Шелихова – «царёк Шелихов», а Державин – русским Колумбом, по заслугам и по значению!

Знаменитый деятель эпохи Александра I Михаил Сперанский отмечал, что Шелихов составил «себе обширный план, ему токмо тогда свойственный». Собственно, Шелихов реализовывал программу Ломоносова, хотя и вряд ли был с ней знаком. Он не просто «срывает деньги», не противопоставляет промысловую и колонизаторскую деятельность деятельности исследовательской и цивилизаторской, а проводит их в единой связке. Он даже разрабатывает план деятельности миссионерской. Позднее этот план будет реализован в Русской Америке православными монахами, и – весьма успешно. Православных в американском штате Аляска есть немало даже в XXI веке.

Кто-то может заметить, что примерно так, как Григорий Иванович, поступали и голландские, и английские негоцианты. Так, да не так! Западными европейцами двигала в первую очередь корысть, ну, и уж во вторую – национальная спесь. Рассматривать интересы аборигенов

как элемент государственного строительства державы вряд ли кому-либо из них приходило в голову. «Бремя белого человека» они несли исключительно в собственных интересах, а к «цивилизуемым» аборигенам относились как к рабам и полулюдям – свидетельств тому хватает.

Шелихов же радел о пользе государства, и двигала им – в первую голову – национальная гордость.

Разница, думаю, есть...

Глядя на его портрет, встречаешь умный, внимательный и одновременно открытый взгляд... Красивое, интеллектуальное, располагающее к себе лицо, ладно сидящий европейский костюм, кружевной галстук, маленький парик... Личность, натура заявлены вполне. И видно, кроме прочего, что, говоря языком современным, был Григорий Иванович «человеком команды». Да и могло ли быть иначе, если среди его сотрудников и сподвижников были выдающиеся организаторы Михаил Матвеевич Булдаков, Александр Андреевич Баранов, Николай Петрович Резанов?

О всех них я позднее расскажу.

А в морских соратниках у него были такие опытные мореходы, как подштурман Гавриил Логинович Прибылов (его именем позднее были названы острова, Прибыловым открытые), как Герасим Григорьевич Измайлов...

В те же годы, когда в северной части Тихого океана трудился Шелихов, до неё добрался и Джеймс Кук. В своём дневнике он 15 октября 1778 года записал: *«Вечером 14-го, когда я с мистером Веббером был в индейском селении неподалёку от Самгунудхи (на алеутском острове Уналашка. – С.К.), здесь высадился русский, которого я счёл главным среди своих соотечественников на этом и соседних островах. Его имя было Ерасим Грегорев Син Измайлов; он прибыл на каноэ, в котором было три человека, в сопровождении 20 или 30 одиночных каноэ»*.

У Кука был океанского класса «Резолюшн», а у Измайлова – каноэ. На каноэ через океан не ходят, так что Измайлов был здесь у себя дома. Кук являлся гостем, а Измайлов – хозяином, и хозяином радушным: снабдил англичан ценнейшими данными об этих водах, исправил ошибки на их картах, да ещё и дал скопировать две русские карты Охотского и Берингова морей.

Я с удовольствием познакомлю читателя с извлечениями из «Рапорта в Камчатскую Большерецкую Канцелярию Штурманского ученика Герасима Измайлова» от 14(25) октября 1778 года...

«По прибытии моём к здешним Алеутским островам, – докладывал Измайлов, – сего 1778 года, августа 14 числа, но по задолженности моей в реченной канцелярии должности к переписи здешних народов, имел я отбыть из гавани с острова Уналашки сентября 2-го числа на остров Умнак, Четырёх сопок и протчие (мимоходом брошенное «протчие» говорит само за себя: мол, чего там, дело обычное, давно знакомое. – С.К.). А по прибытии моем, сентября 23 числа, прибыли на тот же остров Уналашку, и стали не в дальнем расстоянии от гавани моей, на полуношной стороне в бухту два пакет бота с острову Лондону, называются агличанами. А я, по исправлении своей должности, имел к ним прибыть в крайней скорости, а по прибытии находился трои суток, оказывая к ним ласковость и приветствие. Служил, что было собственного, притом приказал алеутам ясаиным плательщикам, в бытность их промыслять рыбу и довольствоваться...»

На большем пакет боте, называемом Резолюшон, господин полковник называется Дем Кук, лейтенантов трое: первый – Жион Гор, второй – секунд Дем Скин, третьей – Жион Вилмсын (Джон Гор, Джеймс Кинг и Джон Уильямсон. – С.К.); всего комплекту, что состоит на пакет боте 110 человек, в том числе все афицеры. На другом пакет боте, называемом Ескадре («Дискавери». – С.К.), на нём командир в ранге маиора Чир Тлярк, лейтенантов двое: первый

– пример *Димск Борин*, второй – секунд *Жион Рикман* (Чарльз Кларк, Джеймс Барни и Джон Рикмен. – С.К.), всех числом на *Ескадре 70 человек*, в том числе и офицеры...»

Тон документа – деловой и конкретный, и видно, что русские в районе Алеут и Аляски к тому времени обосновались уже прочно и, я бы сказал, *рутинно*... Жили-жили, не тужили. Вот и «аглинские» корабли пожаловали...

Что же – хлеб да соль, а я ем, да свой!

Младшему сверстнику Шелихова (на два года моложе), воспитаннику «Иркутской навигацкой» школы Герасиму Григорьеву сыну Измайлову было тогда тридцать три года. В двадцать три года он участвовал в экспедиции Креницына – Левашова, в 1771 году, в двадцать шесть лет, попал в плен к польскому ссыльному Морису Беньовскому. Напомню, что тот поднял мятеж на Камчатке, захватил судно и бежал во Францию. До Франции было далековато, Измайлов там ничего не потерял, и он вместе с камчадалом Паранчиным решил бежать. Кончилось тем, что Беньовский выпорол их и высадил на пустынном берегу курильского острова Симушир. Однако Герасим не пропал и добрался с Паранчиным до Сибири. Их доставили в Иркутск и после долгих допросов освободили. Вскоре Герасим Григорьевич опять ушёл в море, в 1775 году вёл съёмку камчатских берегов, в начале 1776 года был назначен командиром судна «Св. Павел» купцов Афанасия Орехова из Тулы, Ивана Лапина из Соликамска и Василия Шилова из Великого Устюга в экспедицию на Лисьи острова с базой на острове Уналашка.

В 1778 году Измайлов и Дмитрий Иванович Бочаров на галиоте «Три святителя» завершили открытие северного берега залива Аляска от Кенайского полуострова до залива Якутат.

По результатам съёмки Бочаров составил карту «полуострова Алякса»... Тогда Аляску русские называли и так, хотя, например, участник 2-й экспедиции Беринга Свен Ваксель предлагал назвать вновь открытую землю «Новая Россия». Предложение это не прошло, но первопроходческий дух Беринга и его соратников Шелихов и его сотоварищи восприняли в полной мере.

С такими людьми можно было горы сворачивать...

ПЛАНЫ Шелихова становились всё более масштабными. Поддерживаемый генерал-губернатором Иркутским и Кольванским Якоби, он уже и с Филиппинами был готов торговать, тесня на рынках Тихого океана европейцев и янки. А желая развернуть дело шире, Шелихов совместно со своим «компанионом» Голиковым ходатайствует в феврале 1788 года перед Екатериной о беспроцентной ссуде в 200 тысяч рублей на 20 лет.

Подробно описав деятельность Шелихова с 1783 года, в которой чисто коммерческий момент был, по сути, не главенствующим, «компанионы» сообщали, что «на исполнение ж вышедonesённого употребили мы более 250 тысяч рублей, не получая возврата ни одной копейки...».

Затем Шелихов и Голиков «всеподданнейше» просили «оградить нас самих и собственность нашу безопасностию от других, кои хотели бы открытиями нашими воспользоваться...», то есть добивались привилегии в виде монополии.

Желая расширить возможности России на Тихом океане и в Америке, просители сообщали, что имеют «намерения... завести укрепление воинской команды до ста человек, а в числе оных артиллеристов хотя человек четырех да оружейных мастеров два человека...», и поясняли, что «сии воинские люди не столько нам нужны для сказанных островов Кыктака (Кадьяка. – С.К.) и Афогнака, как для тех крепостей, кои мы полагаем сделать на матером американском берегу и на островах Курильских...».

Показательно следующее место прошения:

«В помощь же команды можем мы с пользою употребить до нескольких тысяч из жителей островских, яко народа храброго, крепкого сложения, удобнаго к перенесению всяких трудностей, ко всяким предприятиям способнаго, неустрашимаго, и коего повиновение к

русским начальникам и приверженность к подданству вашего императорского величества во многих случаях опытом нами уже изведено...»

Первые широкие и постоянные контакты русских промышленников с аборигенами тихоокеанских островов, включая Алеуты, следует относить к началу 1750-х, и особенно – 1760-х годов. Сперва эти контакты зачастую сопровождались конфликтами, и – отнюдь не по вине русских, о чём в своём месте будет сказано. Но как видно из прошения Шелихова и Голикова от февраля 1788 года, к концу 1780-х годов ситуация уже изменилась настолько, что «компании» были готовы создавать из «островских» жителей даже воинские формирования.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона утверждает, что Шелихов вместе с Иваном Куликовым (Голиковым) получили просимые 200 тысяч рублей из Коммерц-коллегии вместе с похвальной грамотой. В действительности же императрица двум сибирским купцам отказала, сопроводив доклад Комиссии о коммерции рядом язвительных замечаний, сделанных ею с апреля по август 1788 года. Тем не менее сам срок написания замечаний доказывает, что Екатерина приняла решение не сразу, а после длительных раздумий. В итоге она написала:

«1. Двести тысяч на двадцать лет без проценты. Подобново займа еще не бывало ниже тогда, когда Сенат раздавал деньги и заводы охочем людям... Подобной заем похожо на предложение тово, которой слона хотел выучить говорить чрез тридцатилетний срок, и, быв вопрошаем, на что такой долгой срок, сказал: либо слон умрёт, либо я, либо тот, которой мне даёт денег на учение слона.

2. Военные люди в Сибир равно нужно; сто человек тамо то, что тысячи здесь.

3. Чтоб Голиков и Шелихов одне торговали в новооткрытые места, сие прошение есть сущее монополие и исключительное торговле, противное моим правилам...», и т. д.

Впрочем, Екатерина отказала Шелихову и Голикову скорее потому, что резонно была не готова пойти на обострение тихоокеанской ситуации. Хватало проблем с Турцией, непорочно было со Швецией... В Америке английские колонии восстали против метрополии, лишь в 1783 году получив независимость, и внешнеполитическая ситуация обострилась – в том числе и для России. Действовал комплекс очень разных причин, включая тайные проiski Англии, которая имела достаточный опыт скрытого влияния на придворную элиту в Петербурге и на императрицу – вспомним хотя бы лейб-медика Екатерины Роджерсона...

Но главной причиной отказа были всё же «новороссийские», южные заботы императрицы. 27 марта 1788 года Екатерина писала: *«Пособие монаршее теперь обращено на полуденные действия (то есть на финансирование ведущейся Русско-турецкой войны и пр. – С.К.), для которых дикие американские народы и торговля с ними оставляются собственному их жребию».*

В то время действительно шла вторая екатерининская война с Турцией... И ещё впереди были взятие Очакова и Измаила, суворовские Фокшаны и победы Ушакова при Тендре и Калиакрии... Поэтому, в своё время *мгновенно* снарядив экспедицию Креницына – Левашова, императрица через четверть века пометила на полях доклада Комиссии о коммерции по прошению купцов Шелихова и Голикова: *«Многое распространение в Тихое море не принесёт твёрдых полз. Торговать дело иное, завладеть дело другое».*

Положение было неустойчиво, и Екатерина не захотела рисковать, а только отметила Шелихова и его компаньона почётными регалиями. 12 сентября 1788 года последовал Указ Правительствующего сената «городов Курска голове и купцу Ивану Голикову и Рьльска купцу Григорию Шелихову», по которому они награждались золотыми медалями и серебряными шпагами. На аверсе медалей была изображена императрица, а на реверсе выбита надпись: «За усердие к пользе государственной распространением открытия неизвестных земель и народов и заведения с ними торговли».

В том же указе имелось и нечто более существенное: от награждённых требовали представить *«карты и записки подробныя всех открытых ими мест с означением, откуда остров-*

ские жители получают железо, медь и другие нужные для них вещи, тако ж с пространнейшими объяснениями о твёрдой Американской земле...».

Примерно в то же время, когда Екатерина на инициативу Шелихова отреагировала вяло, она санкционировала две экспедиции (состоявшуюся – Биллингса и сорвавшуюся – Муловского), целями которых было как раз «завладеть», да ещё и как завладеть новыми территориями, и как раз – на Тихом океане... Об этом в своём месте будет сказано.

Но почему настолько разным оказался царицын подход к сходным проблемам? Почему она не заинтересовалась идеями Шелихова? Что ж, зарубить на корню русские перспективы в Русской Америке было жизненно необходимо и Лондону, и Парижу, и Мадриду, и новым англосаксонским хозяевам североамериканского континента, и тайные интриги против Шелихова могли в ситуации присутствовать. К слову, донесения французского посла при петербургском дворе *ещё петровских времён* Ж. де Кампредона позволяют утверждать, что и французы – *уже тогда* – имели в Петербурге весьма осведомлённую агентуру. Например, в докладной записке от декабря 1721 года Кампредон сообщал в Париж, что Пётр ищет морские пути в Тихий океан, приводя на сей счёт немало конкретных деталей. У англичан агентура была наверняка ещё более мощной – она имелась у них в России со времён Ивана Грозного.

А мутные фигуры англофилов до мозга костей Александра и Семёна Воронцовых? Эти два брата-графа отворачивали Россию к Англии на протяжении добрых тридцати лет! Первый из них был назначен послом в Лондон в 1762 году – двадцати одного года от роду. Второй пребывал там в том же качестве с 1784 по 1800 год. Отставил его уже император Павел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.